

РОССИЯ – США: ДВА БЕРЕГА

УДК 327 (470:73)

DOI: 10.17223/2312461X/13/4

АЛЯСКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ РИТОРИКЕ

Андрей Знаменский

Аннотация. Автор исследует сюжеты, связанные с историей Русской Америки и ее последующей продажей США, как они представлены в российской популярной исторической беллетристике, и открывает окно в мир воображаемой истории и географии, конструируемых современными российскими публикациями имперско-националистической направленности. Предпринимается попытка выявить источник интереса к теме российского присутствия в Северной Америке, анализируется содержание основной массы книг и статей, которые формируют представления российского общества об Аляске. Статья демонстрирует, что эмоционально-политические всплески вокруг такой маргинальной и малопонятной темы, как Русская Америка, берут свое начало в самой природе нынешнего русского национализма, все еще крепко связанного с идеей империи. Несмотря на то что часть русских националистов сегодня активно выступает с резкой критикой геополитических амбиций политического руководства страны и своих проимперских настроенных коллег, историческая ностальгия по Российской и советской империи остается все еще сильной в современной политической жизни страны. Кроме того, пристальное внимание к истории российского присутствия на северо-западе североамериканского континента, по сравнению с такими сюжетами, как, скажем, экспансия России в Центральную Азию и на Дальний Восток в XIX в., очевидно, указывает на то, насколько значимую роль антиамериканизм играет в развитии современного русского национализма.

Ключевые слова: Русская Америка (Аляска), продажа Аляски, империя, русский национализм, Россия, США

Аляска обречена оставаться в российско-американских отношениях как единица сравнения, своего рода политико-литературный троп – стилистический оборот, в котором произошел семантический сдвиг слова от прямого значения к переносному.

Писатель Владимир Рокот (Рокот 2007: 341)

18 октября 1867 г. сибирский линейный батальон и отряд солдат из девятой американской пехотной дивизии встретились на центральной площади Ново-Архангельска, столицы Русской Америки (рис. 1), чтобы принять участие в официальной церемонии спуска государственного флага России и подъема звездно-полосатого флага США. Церемония

знаменовала окончательную передачу этой территории Россией в пользу Соединенных Штатов за 7,2 миллиона американских долларов. В 16:00 капитан Алексей Пещуров отдает приказ спустить российский триколор. Вслед за этим представитель правительства США, генерал Лавель Руссо приказывает поднять американский флаг. Так завершилось непродолжительное семидесятилетнее присутствие Российской империи на северо-западе Северной Америки (рис. 2) (Black 2004: 286–287).

Рис. 1. Ново-Архангельск, столица Русской Америки (Wumper 1869: 590)

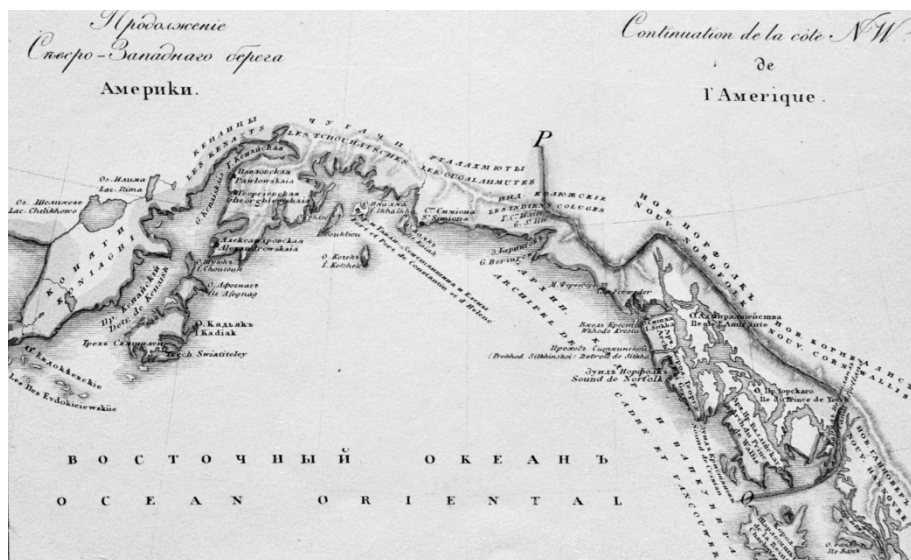

Рис. 2. Карта российских владений на северо-западном берегу Северной Америки (Пядышев 1823)

Руководствуясь краткосрочными внешнеполитическими и внутриполитическими интересами, Александр II и узкий круг его приближенных приняли решение избавиться от своего заморского владения, составлявшего 6% всей территории империи. Едва ли зная о самом существовании Русской Америки, мало кто из российских жителей тогда обратил внимание на это событие. За исключением держателей акций Российско-американской компании (РАК), чьи финансовые интересы пострадали вследствие этого неожиданного решения императора, мало кто также огорчился по поводу продажи Аляски.

В наше время в средствах массовой информации и популярной исторической беллетристике сюжеты, связанные с историей Русской Америки и ее последующей продажей США, встречаются часто, особенно в последние пятнадцать лет.

Цель данной статьи – во-первых, обозначить источник такого пристального внимания к теме российского присутствия в Северной Америке; во-вторых, проанализировать содержание той основной массы книг и статей, которые формируют представления российского общества об Аляске. Главный мой тезис заключается в том, что эмоционально-политические всплески вокруг такой маргинальной и малопонятной темы, как Русская Америка, берут свое начало в самой природе нынешнего русского национализма, который испытывает серьезную психологическую ломку, с трудом освобождаясь от имперской идеи.

Несмотря на то что часть русских националистов сегодня активно выступает с резкой критикой геополитических амбиций политического руководства страны и своих проимперски настроенных коллег, историческая ностальгия по Российской и советской империи остается все еще сильной в современной политической жизни страны. В значительной степени эта имперская идея мутировала в концепцию евразийства, которая ныне превратилась в неофициальную идеологию российской элиты и доминирует в образовательном и медийном мейнстриме. Аляска может служить примером того, как эта имперская риторика «осваивает» и преподносит в качестве «наших» те территории, которые никогда прежде не считались русскими этническими землями.

Нельзя также забывать о том, что пристальное внимание к истории российского присутствия на северо-западе североамериканского континента, по сравнению, скажем, с такими сюжетами, как экспансия России в Центральную Азию и на Дальний Восток в XIX в., очевидно, указывает на то, насколько значимую роль антиамериканизм играет в развитии современного русского национализма¹. Хотя в последнее время вышел ряд обстоятельных работ, исследующих различные сюжеты из истории Русской Америки (Болховитинов 1997–1999; Black 2004; Виньковецкий 2015), до сих пор Аляска как геополитическая и историческая метафора на службе российской патриотической рито-

рики не рассматривалась. Данная статья имеет целью восполнить этот пробел.

Шутка, воспринятая всерьез

Я впервые обратил внимание на Аляску как геополитическую мифологию после того, как увидел, какую острую реакцию в России вызвал фельетон под названием «Аляска чувствовала бы себя как дома в России», написанный Стивеном Перлстайном для популярной в доинтернетовскую эпоху газеты «Вашингтон пост». Подшучивая над текущим экономическим состоянием Аляски, в значительной мере существующей за счет федеральных субсидий, а также над кумовством ее политиков, автор с иронией заметил, что с такой «корпоративной» культурой Аляска вполне чувствовала бы себя как дома в современной России (Washington Post 2005: Nov. 25).

Удивительно, но эта публикация всколыхнула российские патриотически настроенные СМИ. И хотя данный юмористический текст предназначался для американской аудитории, писатель Рокот отмечает, что идея, высказанная в нем, нашла отклик у части читающей российской публики: «Идея возвращения была запущена в массы и обрела независимую от контекста судьбу» (Рокот 2007: 344). Уместно в этой связи также вспомнить вопрос, заданный президенту Путину в эфире «Прямой линии» в 2014 г. и касавшийся того, когда же Россия наконец поставит перед США вопрос о возвращении Аляски (АиФ 2014: 17 апр.). Ряд авторов очень серьезно восприняли ироничное предложение Перлстайна вернуть Аляску «домой», в Россию. Александр Дугин, видный поборник идеи евразийства, подчеркнул: «Шутка? А мы не поняли, что это шутка. Мы хотим Аляску. Давайте договоримся» (Россия 2005). Другие оскорбились этой публикацией, усмотрев в ней моральное покушение на Россию со стороны «беспринципных янки» с целью высмеять слабые стороны страны: «Отвратительные американские газетные шутки. Над чем нам смеяться? Над собственными неудачами? Больше похоже на истерику, на агонию умирающего. Кто еще выиграл от публикации Перлстайна, помимо самолюбия американской нации и демократических русофобских кругов, получивших дельный повод для очередных издевательств над последствиями “извечной русской дремучести, отсталости”?» (Русский журнал 2005: 15 дек.).

Несмотря на многообразие взглядов, большинство патриотически настроенных авторов единодушны в своей скорби по поводу утраты этого большого участка земли, который, что они неустанно подчеркивают, мог бы обеспечить России отличную геостратегическую позицию на североамериканском континенте. Одержимые страхом перед лицом последствий неблагоприятной демографической ситуации в Россий-

ской Федерации и маячащей угрозы потерять другие территории, многие из этих авторов проводят исторические аналогии между продажей Аляски в 1867 г. и нынешними геополитическими страхами по поводу западных и восточных соседей России (Русский журнал 2005: 15 дек.; Комсомольская правда 2016: 30 марта).

Например, журналист Сергей Пыхтин убежден, что история продажи Аляски есть серьезный исторический урок, значение которого актуально и по сей день. Вспоминая историю разграничения российских и американских позиций в регионе Берингова моря в 1990 г., которое он считает предательством российских интересов, Пыхтин проводит параллели между этой недавней «изменой» и «изменой» 1867 г., являющейся, по его мнению, примером антипатриотического падения, открывшего путь для будущих территориальных уступок: «И если неизвестно или известно недостаточно, как были утрачены американские владения России, если массовое сознание относилось прежде и относится теперь к этому историческому факту безразлично, то разве не может с таким же точно чувством отнестись оно и к повторению подобных уступок» (Пыхтин 2005)².

Сам факт того, что с такой легкостью часть Российской империи была продана другому государству, неизбежно подпитывает уязвленные патриотические чувства. Особенно скандально, с точки зрения сегодняшних патриотов, то, что страной, которая приобрела эту землю, являются Соединенные Штаты Америки. Как известно, для многих националистов и традиционалистов в России и за ее пределами Америка служит олицетворением сатанинских наднациональных финансовых и политических сил, стремящихся оторвать нации от своей почвы и традиций. Один проимперски настроенный историк Аляски прямо заявляет, что Россия представляет собой носительницу вечных сил «добра», а США являются воплощением сил «тьмы» (Кремлёв 2005: 5).

Сегодня, в связи с усилением антиамериканских настроений в России, Аляска и история ее продажи США являют собой прекрасное поле для риторических упражнений писателей и журналистов, которые обозначают себя как патриотов. В их уязвленном воображении сделка 1867 г. по Аляске, которая на самом деле была инициирована самим царским двором и которую с трудом удалось пробить через американский Конгресс, легко превращается в категорию заговора проамериканских сил, желавших отчуждения от России ее наиболее значимого геополитического куска. Рассматриваемая мною в данной работе литература не столько освещает историю российского присутствия в Северной Америке, сколько открывает окно в мир воображаемой истории и географии, конструируемых современными российскими публикациями имперско-националистической направленности.

Кто главные авторы, занимающиеся темой Русской Америки, и кто представлен здесь? Среди них писатель Александр Кердан – бывший офи-

цер, работавший в армейской прессе Советского Союза. После выхода на пенсию в период перестройки он стал несгибаемым приверженцем русского православия. Как известно, подобная трансформация была достаточно частым и закономерным явлением для многих выходцев из советского идеологического и военного аппарата. Желая как-то подстегнуть российский патриотизм, он стал писать героические романы о русских исследователях Аляски и советском присутствии в Афганистане. Другой автор – Сергей Кремлёв – инженер, работавший в советском военно-промышленном комплексе. После непродолжительного сотрудничества в советском журнале для малышей под названием «Мурзилка» (Медвежонок), он сменил свой имидж, став плодовитым патриотическим писателем. Кремлев – автор большого исторического произведения «Русская Америка: открыть и продать» (2005), которое он преподносит как взгляд на историю Аляски, изложенную «с русской точки зрения» (рис. 3).

Рис. 3. Обложка книги публициста Сергея Кремлёва «Русская Америка: открыть и продать» (Кремлёв 2005), в которой проводится мысль о том, что продажа Аляски – результат жидомасонского заговора

Еще один автор, придерживающийся тех же взглядов, – это вышеупомянутый журналист, ныне покойный, Сергей Пыхтин – активист националистического толка, постоянно публиковавшийся в различных патриотических изданиях.

Среди этих авторов есть и один профессиональный историк – Иван Миронов, получивший степень кандидата наук в Московском педагогическом университете. Миронов также являлся активным членом то умирающей, то вновь воскрешаемой партии «Родина». Он, в частности, стал известен тем, что вместе со своими друзьями участвовал в «ритуальном» сожжении «антироссийской» и «сионистской» литературы в центре Москвы. В то же время, в отличие от прочих патриотических работ по Аляске, книга Миронова «Роковая сделка: как продавали Аляску» (2007) выгодно отличается тем, что в ней широко используются первоисточники, включая архивные документы. Наконец, важно также упомянуть плодовитого сибирского писателя Александра Бушкова, чьи работы продаются практически везде, включая книжные киоски аэропортов и железнодорожных вокзалов (рис. 4).

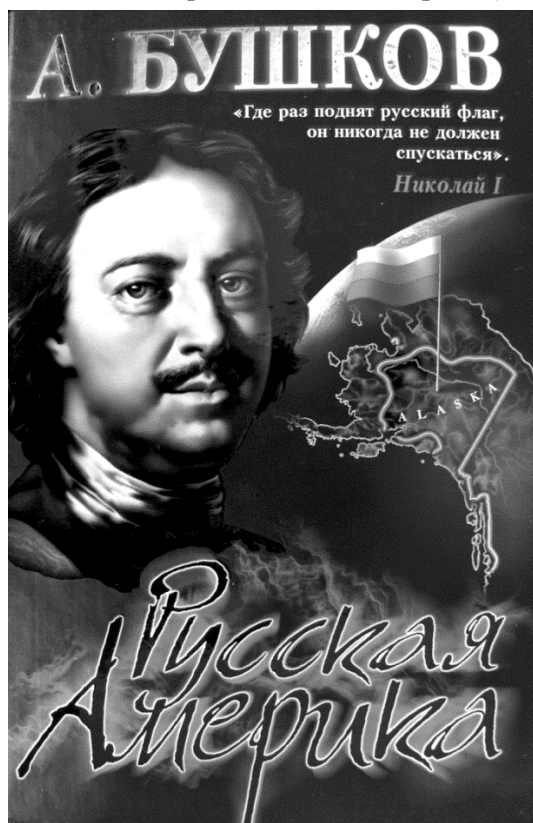

Рис. 4. Писатель Александр Бушков предварил свою книгу о русской Аляске цитатой Николая I

Начав свою карьеру в 1980-е гг. и специализируясь на жанре научной фантастики, он впоследствии стал автором многочисленных популярных биографий и произведений по истории, в которых неизменно апеллирует к настроениям сегодняшнего дня. Очевидно почувствовав с начала нулевых годов, что люди начали тяготеть к патриотической тематике, он выпустил популярную книгу «Русская Америка: слава и позор» (2006), в которой героизировал различные сюжеты из истории Русской Америки и привязал их к нынешним реалиям.

Советские наработки

Многое из того, что написано сегодня по истории Аляски с «русской точки зрения», есть прямое переложение клише и оценок, сформировавшихся в советское время, особенно в 40-е и 50-е гг. XX в., проходивших под знаком борьбы с космополитизмом и «тлетворным» влиянием Запада. До Второй мировой войны продвижение России в Сибирь и на Аляске рассматривалось в советской историографии как процесс колонизации, аналогичный экспансии других европейских держав. Хорошей иллюстрацией этого является монография С.Б. Окуня «Русско-американская компания» (1939). С подъемом русско-советского патриотизма во время и после Второй мировой войны сталинский режим стал все чаще стимулировать ксенофобию, а также пропагандировать окрашенную в социалистические тона героiku Российской империи. Важной частью этого нового тренда стало осуждение американского и английского колониализма и империализма и одновременно обеление российской колониальной экспансии.

С конца 40-х гг. XX в. советская историческая наука начинает подчеркивать «прогрессивную природу» русской колонизации Сибири и Аляски, а также «демократический» классовый состав русских колонизаторов и их дружественные отношения с коренным населением. Русская колонизация отныне предстает как более гуманная и благожелательная, в отличие от колониальной политики западных стран. Вскоре сам термин «колонизация» исчезает из оборота, уступив место нейтральному термину «освоение». Бунты коренного населения Сибири и Аляски против русского продвижения либо не упоминались вовсе, либо объяснялись подрывной деятельностью иностранцев (Гринев 1996: 16–17).

Применительно к истории Аляски шаблон для ее нового прочтения с патриотических позиций был задан в конце 40-х гг. прошлого века двумя авторами: историком-любителем, писателем и поэтом Сергеем Марковым³ и писателем Иваном Краттом. Именно они впервые заговорили о русском присутствии на Аляске в категориях «освоения». Включившись в разворачивавшуюся официальную кампанию против так называемого

космополитизма, направленную на искоренение элементов западной культуры в Советской России, оба писателя также придали своим произведениям антизападный и антиамериканский оттенок.

В самом конце Второй мировой войны в одном из литературных журналов была опубликована работа Кратта «Остров Баранова» (Кратт 1945). Роман повествует о приключениях Александра Баранова (1746–1819), первого главного правителя РАК, и его товарищей. Причем Кратт изображает Баранова не столько как коммерческого директора меховой компании, сколько как строителя империи и стражника русской славы на ее дальних рубежах. В конце романа мы видим, как Баранов с вершины холма осматривает вновь приобретенные владения; в результате успешной победы над враждебными индейцами-глинkitами и злыми английскими и американскими «пиратами» русские прочно утвердились в районе Ситки. Взирая на завоеванные окрестности, Баранов в патриотическом экстазе восклицает: «Россия! Свое, родное!» (Кратт 1989: 124).

Подобные послевоенные патриотические мотивы, связанные с Аляской, можно увидеть в солдатской строевой песне «Запевала» (1951), где есть, в частности, следующие строки:

Наши прадеды бывали за Курильскою грядой –
край суровый обживали, не грозя другим бедой.
На Аляске по Юкону до хребта Скалистых гор
Знали русских поименно, помнят русских до сих пор.

Примечательно, что и книга Маркова «Русские на Аляске» (1946) – первая популярная история Аляски, опубликованная в Советском Союзе после Второй мировой войны (рис. 5), и роман Кратта «Остров Баранова», изданный в том же году в виде книги, вышли в Военном издательстве Министерства вооруженных сил СССР. Помимо этого, книга Маркова была включена в серию «Библиотека офицера ВМФ» (Кратт 1946; Марков 1946). В следующем году Марков издает роман «Юконский ворон». Основанный на подлинных путевых заметках исследователя лейтенанта Лаврентия Загоскина, ставшего первым европейцем, составившим карту бассейна реки Нижний Юкон в 40-х гг. XIX в. (Загоскин 1847–1848), роман преподносит путешественника в качестве скрытого революционера и патриота, критикующего коррумпированных царских бюрократов, не заботящихся о благе Родины. В отличие от них, Загоскин стремится противостоять англо-американским силам, посягающим на российские владения в Северной Америке (Марков 1947)⁴.

В произведении «Последний год» (1961) другой писатель – Михаил Зуев-Ордынец, который, как и Марков, за годы пребывания в сталинском ГУЛАГе познакомился с широкими северными просторами, создал образ Андрея Гагарина – гротескного, карикатурного клона вышеупомянутого Загоскина. В то время как Загоскин Маркова сочувствует революционерам, Гагарин уже предстает как член подпольной группы

революционеров. У Маркова лейтенант-путешественник исследует дебри Аляски, а у Зуева-Ордынца главный герой вживается в эти дебри и становится их частью. После того как его предаст невеста, Гагарин бежит от царской тайной полиции на Аляску, где удаляется в труднодоступные места и становится охотником-следопытом. Смело противостоя силам природы, он случайно натывается на группу индейцев, еще не испытавших на себе тлетворное влияние западной цивилизации, и помогает им, обучая основам сельского хозяйства и ремеслам.

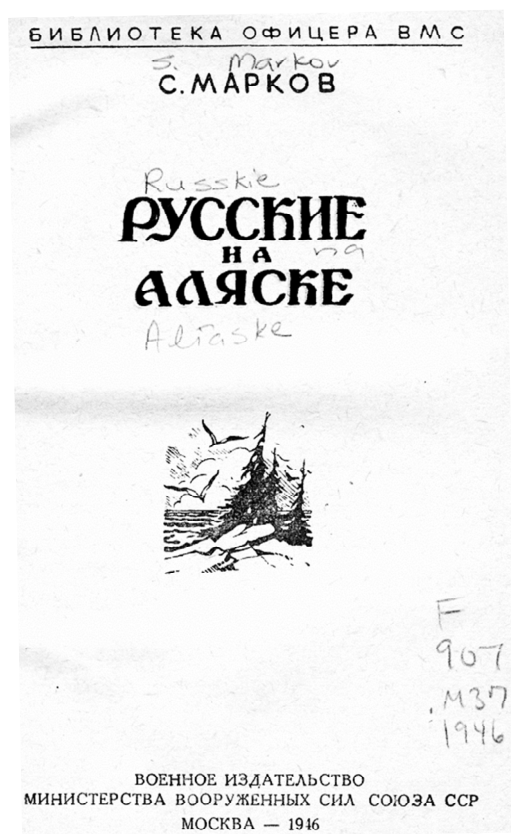

Рис. 5. Обложка популярной книги «Летопись Аляски» писателя и поэта Сергея Маркова (Марков 1946), вышедшей в «Библиотеке офицера»

В соответствии с канонами приключенческого жанра, заданными Майн-Ридом в его знаменитом романе «Белый вождь», Гагарин Зуева-Ордынца становится предводителем этого индейского племени. Действие романа разворачивается в 1867 и 1868 гг., когда Русская Америка стала американской территорией (рис. 6). В аляскинской глуши Гагарин находит следы «хищных» янки, в том числе труп американского

золотоискателя с охотничьим ножом, торчащим из его спины. Нож имеет характерную рукоятку с гравировкой в виде золотого доллара – символический образ того, что уготовано этой девственной земле.

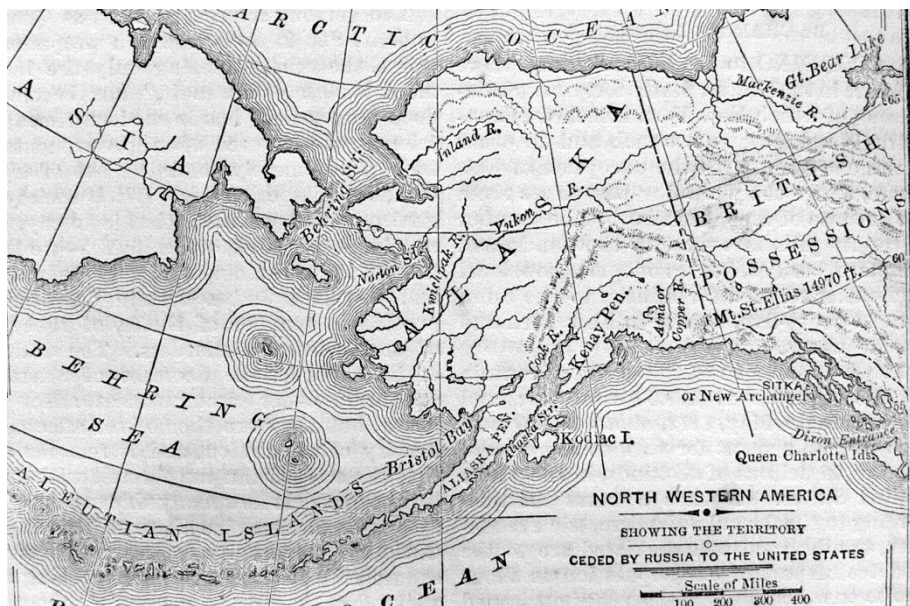

Рис. 6. Карта Аляски, составленная спустя шесть лет после продажи колонии Соединенным Штатам (Harper's Magazine 1873)

Будучи отрезанным от мира, революционно-настроенный русский следопыт еще не подозревает, что Аляска была уже продана США. Когда во время случайного визита в столицу бывшей Русской Америки Гагарин узнает об этом, его душа негодует по поводу «гнусной сделки». Вооружившись, он выводит своих индейцев на тропу войны и начинает партизанское сопротивление продвижению алчных американцев, не только захвативших землю, которую он считает частью своей Родины, но и стремящихся развратить местное население алкоголем и материальными ценностями. Хотя книга Зуева-Ордынца явно апеллировала к популярной в 60-е гг. прошлого века идеологии – национально-освободительным движениям «третьего мира», поддерживаемым Советским Союзом, роман продолжает издаваться и пользоваться популярностью и по сей день. Представляется, что востребованность этой книги в наши дни связана с ее мощным антиамериканским посылом (Зуев-Ордынец 1961, 1966, 1995, 2005)⁵.

Вскоре профессиональные историки, этнологи и географы подхватили оформившийся идеологический тренд. Географ Г.А. Агранат сравнил и противопоставил «хищнические» действия английской Ком-

пании Гудзонова залива (КГЗ) в Канаде «благожелательной» политике РАК. По мнению ученого, английская компания «завоевала» и «ограничила» индейцев, в то время как «прогрессивная русская колонизация Аляски» привела к установлению благоприятного режима для коренных аляскинцев (Агранат 1971). В действительности, будучи коммерческим предприятием, КГЗ была заинтересована в стабильных поставках меховых шкур и не стремилась покорить индейские территории. Стараясь поддерживать мирные отношения с коренным населением, компания, через сложную систему кредитов, привязала индейских охотников к своим торговым фортам. РАК же обратила коренное население побережья Аляски в кабальных слуг, обязав их добывать для компании меха морской выдры. Воспроизводя систему крепостной зависимости, существовавшую в метрополии, РАК закрепила коренных жителей за определенными деревнями и запретила им покидать свои места без официального разрешения. В то время как коренное население внутренней части Аляски находилось вне досягаемости РАК, что позволило им сохранить свою независимость, статус коренного населения на побережье был очень схож с тем положением, на котором находились крепостные крестьяне в материковой части России.

Советские ученые также пересмотрели историю вооруженных столкновений между коренными жителями Аляски и русскими, переложив ответственность за эти конфликты и войны на западных торговцев. Подчеркивалось (Василий Дивин), что в попытке ослабить российские позиции в Северной Америке, западные нации, такие как Англия, США и Испания, вооружали местное население и «науськивали» их на русские поселения и корабли. Другие авторы (Раиса Макарова) просто игнорировали факты конфронтации между аляскинцами и русскими. В некоторых работах (Р.Г. Ляпунова) описывалась и вовсе радужная картина отношений русских и населения Аляски: совместный труд, взаимное уважение, терпимость и отсутствие этнических предрассудков. Этим идиллическим картинам в духе советской дружбы народов противопоставлялась жестокая истребительная политика западных держав, направленная против коренных американцев (Макарова 1968; Дивин 1971; Ляпунова 1975; Гринев 1996).

Аляска как часть воображаемой географии имперского национализма

Российская экспансия как мирное «освоение» аляскинских земель – один из самых популярных мифов в современной патриотической литературе и историографии по Русской Америке. Здесь русские выступают как культурные герои, носители высоких моральных ценностей, с распростертыми объятиями принятые представителями коренного насе-

ния. Более того, в патриотической литературе на этот миф накладывается и другой: Аляска якобы была тесно связана с Российской империей не только в культурном и политическом отношениях, но также в духовном плане, посредством особой «органической» связи. Историк-патриот Миронов подчеркивает: «В отличие от колоний Англии, Франции, Испании и Португалии, заокеанские владения России были привязаны к материнскому государству прочной духовной связью». Он также добавляет, что в противоположность западным соперникам России, которые не смогли, по его словам, создать прочных духовных скреп со своими заморскими колониями, «русские владения оставались незыблемой твердыней империи и со временем могли оказаться опорной точкой для российской экспансии на юг континента» (Миронов 2007: 77).

Необходимо подчеркнуть, что, ссылаясь на некую «духовную связь», патриотические авторы включают в сферу русской земли не только коренное население к востоку от Уральских гор, которое было обращено в православие и смешалось с русскими, но также те земли и народы, что когда-то в прошлом были частью Российской империи, но не мыслились как часть русской этнической территории. Тон этому был задан уже в середине XIX в., когда русские писатели славянофильского толка стали считать процессы ассимиляции восточных земель этапом в формировании русской нации (Miller 2004: 19). Сегодня имперская география относит все эти земли к категории «наших» территорий, поскольку там или имелись русские поселенцы, или часть местного населения либо вступила в брак с русскими, либо научилась говорить на ломанном русском языке. После продажи Аляски в 1867 г., а затем отделения Финляндии и Польши в 1917 г., и особенно сегодня, после развала СССР, вся эта воображаемая география приходит в противоречие с современными государственными границами.

Подобная историческая «география» опосредованно «исследует» и включает бывшие куски империи в категорию русских этнических земель. В конечном итоге такое интеллектуальное «освоение», посредством печати и Интернета, пространств ушедшей Российской империи и ее наследника СССР приводит к тому, что в воображении патриотически настроенных писателей и читателей колониальная периферия XIX в. превращается в этническую территорию России. По сути, именно на это направлены усилия многих так называемых евразийцев в современной России. По убедительному замечанию французского историка Марлен Ларюэль, большая часть этого популярного течения в нынешнем российском национализме стремится представить Россию и «русскость» в качестве матрицы для всей Евразии и реанимировать имперское призвание страны (Laruelle 2008: 9–10). Аляска здесь выступает как неотъемлемая часть этой символической евразийской географии, что, естественно, выливается в новое прочтение всей истории региона с

«русской точки зрения». Например, патриотические средства массовой информации утверждают, что русская культура на Аляске не только взяла вверх над всеми остальными традициями, но продолжает существовать и процветать здесь и по сей день, что просто-напросто является неправдой. Наиболее экзотические попытки «освоить» Аляску можно увидеть в работах, содержащих рассуждения о том, что новгородские первопроходцы исследовали эти земли и основали здесь поселения еще в XVI в. (Жданович 2007; Коршунов 2007: 31–32).

Восприятие Аляски как этнически русской территории лучше всего выражено в словах известной песни «Не валяй дурака, Америка» (1991) в исполнении группы «Любэ» (любимой группы президента Владимира Путина)⁶:

Не валяй дурака, Америка,
Вот те валенки, мерзнешь небось.
Что Сибирь, что Аляска – два берега,
Баня, водка, гармонь и лосось.
Баня, водка, гармонь и лосось.
Не валяй дурака, Америка,
Не обидим, кому говорят.
Отдавай-ка землю Алясочку,
Отдавай-ка, родимую, взад.
Отдавай-ка, родимую, взад.

Сегодняшние писатели-патриоты настаивают на том, что население Аляски было включено в состав Российской империи мирным способом и добровольно восприняло черты русской культуры и язык. Имперская историография указывает на доброжелательное гуманное продвижение русских на Аляске. Миронов отмечает, что оно выражалось в бережном отношении к коренным аляскинцам и продуманной политике постепенной ассимиляции аборигенного населения в российском обществе с помощью системы образования, медицинского обслуживания, патронажа, приема на имперскую службу детей смешанных браков и предоставления им социальных льгот. Все вышеназванное он обозначает как «особый дух русского подданства» и приходит к следующему выводу: «Покорность Российской Империи коренных жителей Аляски определялась не страхом перед русскими колонистами, а просвещением и убеждением в истинности исповедуемых русскими жизненных принципов, основанных на Православной вере». Подчеркивая исключительно сердечное, «традиционное по-русски доброе отношение колониальных властей и простых колонистов к туземцам» Аляски и Сибири, Миронов, без тени сомнения, противопоставляет этот подход «жесткой колониальной политике других европейцев» (Миронов 2007: 63–64).

А. Бушков – писатель, работающий в жанре исторической беллетристики, признает, что в самом начале своего присутствия русские дей-

ствительно плохо обращались с коренным населением Алеутских островов. В то же время, сравнивая эти действия с английской колонизацией Северной Америки, он утверждает, что имевшие тогда место акты насилия были лишь крайними проявлениями начального, хаотичного по характеру этапа русской колонизации. Потом, утверждает он, все успокоилось, облагородилось, а если и случались эксцессы, то они, как говорили в бывшем СССР, являлись лишь отдельными недостатками и искривлениями. Полной противоположностью этому является процесс колонизации Северной Америки англичанами, у которых, как пишет Бушков, оказывается, существовал план полного истребления коренного населения. В дополнение к прочим злодеяниям, совершенным, по мнению Бушкова, англичанами, он вменяет им в вину такие экзотические преступления, как намеренное и планомерное уничтожение индейских младенцев и повсеместное использование бактериологического оружия против коренных жителей Америки⁷ (Бушков 2006: 70, 117).

В свою очередь, Сергей Кремлев, автор ультрапатриотической ориентации, пишет: «Запад посылал в заморские владения вначале хищных авантюристов, затем – миссионеров, а затем уж – администраторов, колонистов. А русский Иван, сын Ивана да Марьи, шел в новые земли Западной, Средней, Восточной Сибири сразу как выразитель общей русской воли – в силу широты характера. И даже если он шел вроде бы за ясаком и “мягкой рухлядью”, то – в итоге – он шел за судьбой Русской земли» (Кремлёв 2005: 594).

Как видим, чтобы оттенить положительные моральные качества своих соотечественников, отважившихся отправиться на Аляску, Кремлёв и его коллеги доходят до абсурда, нивелируя или же полностью исключая какие бы то ни было корыстные мотивы, стоящие за продвижением русских к северной части Тихого океана. Так, Бушков делает ошеломляющее заявление о том, что русские в своем продвижении на восток не преследовали никакой личной выгоды. Оказывается, их главной целью было исключительно процветание Родины (Бушков 2006: 32–33). В отличие от благоприятного воздействия русского «осовения» на Аляску, американское присутствие обычно ассоциируется с хищническим использованием ресурсов и экономическим упадком. По яркому замечанию Кремлёва, «раньше тут были хозяева, а теперь пришли хищники, шакалы» (Кремлёв 2005: 500).

По мнению авторов-патриотов, Аляска не просто была в культурном и духовном планах связана с метрополией – здесь, оказывается, процветала экономическая и культурная жизнь, строились города и бурно развивалась современная индустрия. Воображение Кремлёва рисует Аляску до 1867 г. как цитадель цивилизации на Тихоокеанском побережье. Согласно его видению, Русская Америка отличалась своими офицерскими балами, библиотеками, школами, где дети учили фран-

цузский язык, и даже высокоразвитой промышленностью. В своем патриотическом воображении другой автор, Роман Жданович, идет еще дальше, увеличивая численность русского и коренного населения Аляски – подданных русского императора – и изображая здесь процветающие, хорошо защищенные города: «В 1837 году в Русской Америке жило 11 тыс. русских и креолов, 50 тыс. русско-подданных алеутов и метисов; крупные города защищались фортами и артиллерийскими батареями» (Жданович 2007). Более того, порой это стремление показать Аляску в качестве хорошо освоенной и процветающей русской земли приводит к комическим выводам. Так, Миронов доходит до того, что характеризует Аляску как «второй по значимости полюс экономического и политического развития Российской империи» после Санкт-Петербурга (Миронов 2015).

В действительности, и это будет мягко сказано, российское присутствие в Северной Америке было далеко не всеобъемлющим. Прежде всего, стоит отметить, что колонизация Аляски никогда не была исключительно русским предприятием. А ведь именно такой вывод стремятся навязать читателю патриотические писатели. Если воспользоваться модным на Западе леволиберальным идеологическим штампом, то российское «освоение» северо-западной части Тихого океана можно назвать мультикультурным предприятием. До продажи колонии численность «русского» населения Аляски, включавшего русских, финнов, шведов, балтийских немцев, поляков и представителей коренных народов Сибири (саха, ительменов и эвенков), никогда не превышала 550 человек. Из этих 550 «русских» только 113 было разрешено зарегистрироваться в качестве постоянных жителей колонии (Гринев 2005: 178–179). Остальные вновь прибывшие считались временно проживающими и должны были вернуться в Россию по истечении срока действия их контрактов с РАК. Печальная действительность Русской Америки была такова, что ни самодержавное правительство России, ни сама РАК не были заинтересованы в колонизации и освоении этой территории.

Империя очень неохотно разрешала людям самовольно сниматься с места и уезжать в такие отдаленные места, как Аляска. Полукрепостническая самодержавная система опасалась, что свободное передвижение людей расшатает установленную систему зависимости податного населения, его регистрацию и налогообложение. Чиновники постоянно саботировали даже скромные обращения РАК за разрешением временно нанимать квалифицированных мастеров – представителей разных категорий крепостных. С учетом такого отношения со стороны властей вполне естественно, что компания обратила свое внимание на Финляндию и немецко-балтийский регион – западные, более развитые российские пограничные области, свободные от крепостного права. Регистрация по месту и обязательная паспортная система прописки, которые, к

тому же, сохраняются в России по сей день, были важными барьерами для предотвращения отъезда людей на Аляску. Наконец, РАК смотрела на колонии лишь как на источник мехов и не была заинтересована в массовом перемещении туда населения, которое и вряд ли было бы возможно в силу климатических условий. Вдобавок, компания не хотела взваливать на свои плечи ненужный груз возможных расходов по переселению.

Патриотически ориентированные авторы также игнорируют тот факт, что из примерно 30 тыс. индейцев, алеутов и инуитов – коренных жителей Аляски – большинство едва ли знали о том, что они, оказываясь, являлись подданными империи. Фактически сама РАК официально классифицировала большинство коренного населения как независимое или лишь частично зависимое. Более того, сотрудники РАК никогда не чувствовали себя в безопасности даже в своей вотчине – форте Ново-Архангельска (Ситка), являвшимся столицей Русской Америки. В этом районе «русским» приходилось иметь дело с воинственными и хорошо вооруженными индейцами-тлинкитами, сохранявшими полную независимость на протяжении всего периода существования колонии и представлявшими постоянную угрозу для форта вплоть до 1855 г.⁸ Тот факт, что РАК смогла утвердиться лишь на узкой полоске побережья Аляски, не позволял составить сколько-нибудь внятное представление о ресурсах и населении колонии. До самых последних дней жизни Русской Америки ее внутренние территории оставались в буквальном смысле слова *terra incognita*. Это фактически означало, что большая часть колонии не была собственностью империи, а представляла собой лишь территорию, свободную от амбиций других мировых держав. Неудивительно, что долгое время РАК даже не подозревала о том, что к западу от канадско-алюскайской границы, прямо в самом сердце Русской Америки, английская Компания Гудзонова залива основала свой форт Юкон (1847) и вела там выгодную торговлю мехами с местными индейцами (рис. 7).

Наконец, сам статус Аляски в качестве куска земли, отданного в монопольное управление РАК, не позволял укрепить связи между империей и ее североамериканскими владениями. В Русской Америке не существовало российской административной и судебной систем. Например, лиц, совершивших преступление на Аляске, отправляли на Камчатку, поскольку здесь не было даже суда, перед которым они могли бы предстать. Меры, принятые в середине 60-х гг. XIX в. и имевшие целью объединить Аляску в административном плане с остальной частью империи, оказались запоздалыми и остались, по большей части, на бумаге. В своей недавней книге историк И. Виньковецкий хорошо показал, что причинами, по которой Аляска с самого начала была передана в ведение РАК, были нежелание империи нести финансовые расходы по управлению этой отдаленной территорией, а также стремление

снизить политические риски в случае конфликта с какой-либо из великих держав в данной части света. Иными словами, РАК, будучи полугосударственной монополией, была удобным инструментом для продвижения интересов империи в северной части Тихого океана. В то же время, в случае конфликта РАК с интересами США, Испании и Англии в этом районе, все можно было свободно списать на «частную» компанию и ее руководство (Виньковецкий 2015).

Рис. 7. Форт Юкон – торговая фактория английской мехоторговой Компании Гудзонова залива (Wymper 1869: 599)

С таким своеобразным статусом Русская Америка представляла, в полном смысле этого слова, пограничной территорией, чье административное положение не было четко определено, и где большинство коренного населения не рассматривало себя частью империи, а также местом, где колонисты считались временными рабочими по контракту, с обязательством вернуться в Россию по завершении работ. Учитывая эти и другие обстоятельства, изложенные выше, можно утверждать, что Аляска никоим образом не была надежной опорой Российской империи в Северной Америке.

**«Добрые» русские и немцы, «наивные дикари»
и «злые» англосаксы**

В современной патриотической художественной и исторической литературе, посвященной Аляске, можно найти несколько типичных персонажей, перебирающихся из одного произведения в другое. Первую группу составляют строители империи, такие как Баранов и Резанов.

Вторая группа персонажей состоит из таких исследователей, как вышеупомянутый Загоскин. Яркий энергичный Баранов – первый администратор Аляски – является наиболее любимым героем писателей-патриотов. Его, как правило, изображают самоотверженным государственным человеком, чьей единственной страстью было продвижение русских интересов на Аляске, а не обеспечение прибылей РАК.

В 1945 г. Кратт в романе «Остров Баранова» задал необходимую тональность, рисуя своего героя таким образом: «Слава Российской империи становилась и его славой, но он ее не искал. Все отдал родине» (Кратт 1946: 166). Такая оценка личности Баранова воспроизводится во многих современных произведениях. Например, в своем романе «Ключи от заколдованного замка» (1980), дважды переиздававшемся в 1990-е гг. (рис. 8), Константин Бадигин пишет, что, хотя Баранов, безусловно, действовал в коммерческих интересах РАК, «самое главное, о чем никогда не забывал Баранов, это слава и польза родине. Ради горячо любимой России он не жалел себя и шел на любую жертву» (Бадигин 1993: 178).

Рис. 8. Мускулистые русские богатыри сражаются с индейскими «дикарями». Иллюстрация к роману Константина Бадигина «Ключи от заколдованного замка» (1993)

В патриотической «Аляскиане» коренные жители обычно выступают как наивные, пассивные дикари, чья жизнь определяется теми, кто

желает ими управлять. Индейцы, инуиты и алеуты предстают таким мягким человеческим материалом, пешками, которыми могли воспользоваться различные добрые и недобрые силы. Те же представители коренного населения, кто вступал в противостояние с сотрудниками РАК, как правило, изображаются в качестве отсталых дикарей, просто не оценивших благожелательности и преимущества русской цивилизации. И вновь в своем романе «Остров Баранова» Кратт задает тон, на этот раз в оценке коренных жителей Аляски. Описывая вождя индейцев-тлинкитов Котлеана (реальный исторический персонаж), который противодействовал русскому продвижению на земли Ситки в начале XIX в. (рис. 9), Кратт рассуждает: «Старый вождь упрямо и свирепо боролся уже не один год, и не только за берег и острова. Он боролся за старую жизнь. Русские несли новую. Они гибли и защищались, кровью своей заливали найденную землю, но продолжали строить и созидать... Они становились опасными, потому что были непоколебимы» (Кратт 1946: 53).

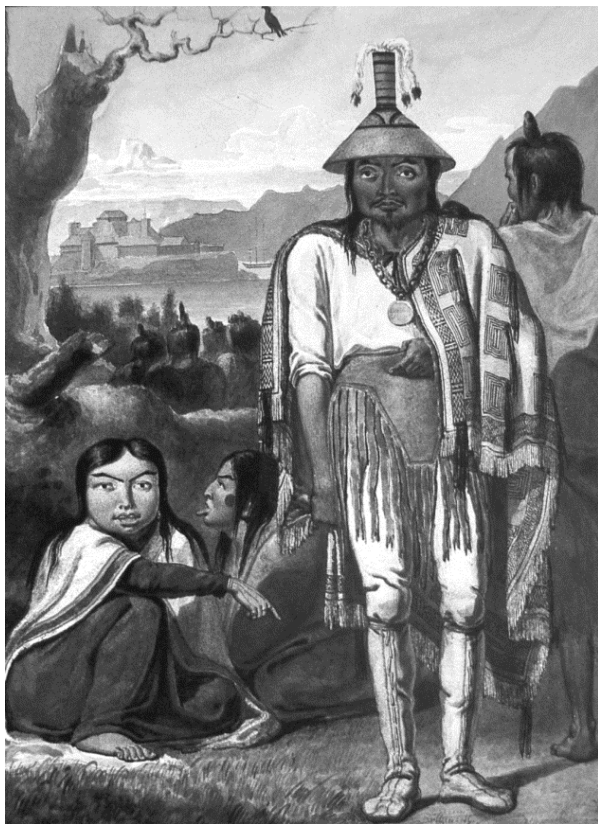

Рис. 9. Индейский вождь Котлеан из племени тлинкитов, реальный исторический персонаж, любимый образ «злого индейца» в советской и русской исторической беллетристике. Акварель Михаила Тиханова (1818 или 1819 г.) (Головин 1949)

По мнению авторов-патриотов, если такие аборигены, как, например, Котлеан, и восставали против русских, то только потому, что их к этому подстрекали американцы или англичане. Кремлёв в своих рассуждениях даже указывает историкам, занимающимся историей Аляски, как надо «правильно» освещать восстания коренного населения колонии: «Русский историк обязан прежде всего в свете подстрекательства и провокаций англосаксов видеть все наши конфликты с индейцами» (Кремлев 2005: 533). В свою очередь, Бушков добавляет, что индейцы-тлинкиты, самые грозные противники РАК, просто-напросто не были достаточно умны, чтобы организовать выступление против русских самостоятельно. По этой причине он приписывает создание «индейской НАТО», направленной против русских, стратегическому гению англосаксонских морских капитанов, таких как Генри Барбер и Уильям Каннингем (Бушков 2006: 135).

Барбер и Каннингем, также реальные исторические личности, являются любимыми героями-злодеями у Кратта, Кремлёва, Бушкова, Кердана и Бадигина. Эти англо-американцы изображаются ими в качестве контрабандистов-торговцев виски, рабами и оружием. Они предстают исчадием капиталистической грабительской этики, ради наживы готовыми предавать всех и вся. В романе Бадигина капитан Роберт Хейли наставляет жаждущего власти Котлеана в следующей манере: «Необходимо захватить крепость на Ситке и уничтожить русских по всему берегу». Не удовлетворившись этим инструктажем, англичанин заставляет Котлеана повторить следующую клятву: «Обещаю разрушить крепость на острове Ситке и убивать всех русских на своей земле» (Бадин 1993: 112–113). В конечном итоге англосаксонский капиталист-грабитель убивает одним выстрелом двух зайцев: уничтожает русских и попутно надувает индейцев. После того, как тлинкиты расправляются с русскими в порту Ново-Архангельска, англичанин заманивает своих союзников на корабль и казнит их. В результате меха, закупленные русскими и затем захваченные индейцами, оказываются в руках контрабандиста.

В противовес такому примитивному изображению тлинкитов в качестве пешек профессиональные историки (Гринев, Кан и Зорин), подробно изучавшие русско-тлинкитские отношения, показывают, что индейцы были независимыми игроками на аляскинском поле и свободно воевали, торговали, вели переговоры и заключали союзы с русскими, английскими и американскими мореплавателями, а также со своими земляками (Гринев 1991; Зорин 2002; Кан 1999). Так, проанализировав документы о деятельности Барбера и Каннингема, Зорин приходит к выводу о том, что корни литературного стереотипа англо-американских мореплавателей как вдохновителей аборигенных бунтов надо искать в докладах самой РАК, которая часто списывала на ино-

странцев свои просчеты, беды и конфликты с коренными жителями. Интересно также то, как патриоты-писатели преподносят читателю разные группы западных колонизаторов, что хорошо передает сегодняшние этнические симпатии и антипатии этих авторов. Обвиняя Запад в геноциде и подавлении коренных народов, они, порой, исключают из списка виновных «доброжелательных» испанских и французских колонизаторов и противопоставляют их «хищным» англичанам и американцам. Абсолютистские и патриархальные империи Испании и Франции XVI–XVII вв., видимо, в большей степени импонируют нынешним русским патриотам, нежели космополитичные и заматериализованные англосаксонские общества.

Бушков уравнивает русских колонизаторов Сибири и Аляски с «благожелательными» испанскими и французскими колонизаторами. Рисуя, например, образ Эрнана Кортеса, завоевателя «Империи» ацтеков, писатель утверждает, что этот знаменитый конкистадор руководствовался не только идеей расширения и процветания испанской империи, но, так же, как и его русские коллеги, мыслью об объединении коренного населения и новых поселенцев в мирное содружество (Бушков 2006: 34–35). А вот англичан, «нацию лавочников и ростовщиков», Бушков оценивает как худших из худших. В то же время валлийцы, ирландцы и шотландцы кажутся ему добрыми и щедрыми лишь по той простой причине, что они были завоеваны и стали жертвами англичан.

Враждебный настрой Бушкова и его презрение по отношению к англичанам достигают иррациональных масштабов. В частности, писатель прямо объявляет своему читателю, что он ненавидит англичан как нацию. Затем он подчеркивает следующее: «Вообще, во многих своих книгах я защищаю не хитрый, но представляющийся мне верным тезис: какие бы неприглядные поступки ни имелись на совести русских – и прочих европейских народов – никому, никогда, нигде не удавалось перешеголять англичан» (Бушков 2006: 117). Когда автор касается примеров английского благочестия на Аляске, как в случае с капитаном Джоном Генри Коксом, обеспечившим провиантом голодавших русских в 1791 г., он объясняет эти действия таким образом: «Поступок для английского морехода немыслимо благородный. Подобного рыцарства за англичанами не замечено. И потому у меня есть стойкие подозрения, что Кокс был кем угодно, шотландцем, ирландцем, валлийцем – но только не англичанином». О капитане Хью Муре, с которым у Баранова сложились дружеские отношения, Бушков вскользь замечает: «Мур был вполне приличный человек – не англичанин, а ирландец». В глазах писателя «достойным человеком» также является известный исследователь Джордж Ванкувер. В отличие от своего знаменитого соотечественника Джеймса Кука, Ванкувер не менял названия областей Аляски, которые были уже изучены и отмечены русскими, на англий-

ские. Наоборот, он в полной мере отдавал должное русским за то, что они стали первопроходцами в этой части Тихоокеанского региона. Такое отношение определенно нравится Бушкову, и по этой причине он выносит следующий вердикт: «Странный англичанин. Неправильный. Англичане обычно так себя не вели. Нужно будет поискать шотландские, ирландские или валлийские корни Ванкувера» (Бушков 2006: 88–89, 104).

В патриотической «Аляскиане» можно найти и ряд героев-поляков, выступающих обычно в качестве предателей. Это, очевидно, исторический отголосок реакции на польский сепаратизм, призрак которого преследует русских патриотов с 60-х гг. XIX в. Как правило, эти антигерои – сотрудники РАК, выжидающие подходящего момента, чтобы предать интересы русских и переметнуться на сторону англичан или американцев. В романе Кратта – это Лещинский, польский предатель, который желает ни больше ни меньше как отделить Аляску от России и сделать ее независимой территорией в союзе с США и Англией (Кратт 1946: 49–52, 384). В недавнем романе Кердана мы находим скупого поляка по фамилии Гузнищевский. В отличие от Лещинского, у Гузнищевского нет каких-либо ясных идеологических или политических установок. Он просто предстает скупым и злым по определению, потому что он – поляк. Коррупированный и беспринципный агент РАК, он, не колеблясь, присваивает себе деньги компании и в конце концов бежит на Камчатку, где вступает в банду разбойников, которые грабят тамошних людей (Кердан 2003).

Образ прибалтийских и других немцев, служивших морскими офицерами в Российской империи или работавших в качестве сотрудников РАК, более двойствен. В романах Кратта и Маркова, написанных в конце Второй мировой войны, когда немцы были явным злом в глазах русских, они практически не присутствуют, несмотря на то что в реальной истории Русской Америки их было более чем достаточно. Напомним, что значительная часть старой российской военной, административной и дипломатической элиты пополнялась из аристократических родов Прибалтики немецкого происхождения. Из этой привилегированной, прикормленной российским двором диаспоры выходили, выражаясь марксистским языком, наиболее верные слуги самодержавия. Поэтому в современной художественно-исторической литературе (Бадигин, Бушков и Кремлёв) немцы всегда предстают в позитивном свете. С их, по мнению патриотов, любовью к традиции и государственности немцы оказываются, безусловно, более привлекательными героями, чем англосаксы – рационалисты и космополиты (Chamberlain 2007: 101–102, 121, 154). Поэтому в изложении патриотических беллетристов «космополитическая» европейская подноготная таких исторических персонажей, как, например, Иоганна Адама Крузенштерна, морского офицера и мореплавателя из прибалтийских немцев, всячески

затушевывается, и он становится русским мореплавателем, выступающим всегда под именем Ивана Федоровича Крузенштерна. Кремлёв, который позиционирует себя как суперпатриота, и вовсе считает, что все немцы, состоявшие на русской службе, были хорошими людьми. Их служба Российской империи и царскому двору преподносится как верность русской земле и почве, как отсутствие космополитизма. Говоря как о германских, так и российских немцах в целом, Кремлёв подчеркивает, что более других западных людей они ценили красоту служения Родине. Вдобавок он подчеркивает, что один из основных посылов читателям его книги по истории Аляски состоит в том, что стратегически России всегда следует держаться вместе с Германией и сторониться США, которые, по его мнению, являются притоном космополитизма, интернационализма и масонства, а также врагом всех стран, отстаивающих свою государственность.

Интересно, что Бушков и Кремлёв атакуют «предателей» с русскими именами, таких как Александр II и его брат, великий князь Константин – главный поборник сделки по продаже Аляски. Их «безнравственная» сущность противопоставляется образцовому поведению патриотов с иностранными именами, таких как Крузенштерн, Федор Петрович (Фердинанд фон) Врангель, некогда главный администратор в Русской Америке, и Федор Романович (Рейнхольд Фридрих фон) Остен-Сакен, этнограф и чиновник средней руки в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел, который активно ратовал за сохранение присутствия империи в северной части Тихоокеанского региона. Более того, Бадигин обобщает судьбу «русских патриотов» с иностранными именами таким образом: «Невыносимо тяжело на Руси инородцу! Будь ты семи пядей во лбу, будь патриотом России, во сто крат большим, чем любой кичащийся своей родословной великоросс, все равно найдется гад среди современников и особенно потомков, кто попрекнет тебя твоим происхождением и усмотрит корысть в твоих делах» (Бадигин 1993: 123).

В отличие от многих других писателей-единомышленников, Бушков даже «реабilitирует» Карла Нессельроде (1780–1862), министра иностранных дел при Николае I. Патриотические авторы (Кремлёв) обычно всегда подчеркивают, что он был сыном еврейки, обращенной в протестантизм, что по умолчанию предполагает скрытую антирусскую направленность деятельности чиновника; отец Нессельроде был, кстати, выходцем из вышеупомянутой немецко-прибалтийской диапоры, поставлявшей кадры для имперской элиты, и служил российским послом в Португалии. В отличие от Кремлёва, Бушков вполне корректно изображает этого министра смешанного происхождения как хорошего и верного «чиновника, добросовестно выполнявшего свою работу и успешно продвигавшего интересы Российской империи. Например, пи-

сатель подчеркивает, что в свое время Нессельроде прочно закрепил за Россией Форт Росс – форпост РАК, просуществовавший в Калифорнии с 1812 по 1841 г. (Бушков 2006: 245). Кроме того, этот министр возглавил успешную кампанию по продвижению российских интересов в Японии, а также усилил влияние России на Балканах.

Бушков даже укоряет своих коллег по патриотическому цеху за перенос различных иудейско-масонских теорий заговора, ныне популярных в русском националистическом дискурсе, на историю Русской Америки. Сам не лишенный этнической предвзятости, он все же подчеркивает, что происхождение чиновников не имело значения. Что действительно имело значение – насколько хорошо они отстаивали интересы Российской империи. Логика Бушкова, как он сам поясняет, проста: то, что было выгодно Российской империи и затем России, надо оценивать как благородное дело, даже если это было сопряжено с преступлениями, нарушением прав человека и лишением суверенитета других народов и наций. Переходя от событий прошлого к делам настоящего, писатель наставляет своих читателей, объясняя им, что применение силы и обмана – весьма хорошо, если это способствует расширению границ твоей страны.

«Либералы-предатели», евреи и масоны

В кривом зеркале патриотической историографии продажа Аляски представлена как результат тайного сговора космополитических либеральных сил с целью ослабить стратегическое положение Российской империи в Северной Америке. Это утверждение обычно сопровождается проведением обязательных исторических параллелей с распадом Советского Союза в 1991 г. С точки зрения националистов-имперцев, то что произошло в 1867 и 1991 гг., является примером мирового заговора против территориальных интересов России в целом и русского народа в частности. Сопоставляя две эти даты, писатели-патриоты размышляют о преемственности антинациональной либеральной политики начиная с XIX в. и по сей день. Первая в Новой истории уступка российской территории иностранному государству, случившаяся в 1867 г., видится им как опасный прецедент, открывший путь для последующих территориальных потерь. Так, например, патриотическое издательство «Алгоритм», рекламируя опубликованную им книгу Миронова «Роковая сделка», подчеркивало: «Иван Миронов – патриот и человек сильной воли. Его книга – голос о том, как во имя корыстных интересов кучки высокопоставленных коррупционеров разбазаривали и продавали российские территории в XIX веке. Приводятся уникальные факты и называются имена тех, кто виновен в отторжении от Российской империи Аляски. Тема тем более актуальна, что в прессе постоянно появляется информация о современных планах Запада по расчленению России» (Миронов 2007).

Патриотические авторы списывают продажу Аляски не на своевольное решение Александра II, самодержца-автократа, который, как и все его предшественники, задавал тон всей «вертикали власти», естественным образом игнорируя общественное мнение, а на его «вредоносные» либеральные реформы. Александра II обычно противопоставляют его патриотически настроенному, консервативному предшественнику Николаю I и консервативному преемнику Александру III. Так, Миронов подчеркивает: «Только “либеральный” Александр мог решиться на подобную сделку в XIX веке; его отцу – “реакционеру” Николаю I, а уж тем более сыну – Александру III, для которого армия и флот оставались единственными верными союзниками во внешней политике, и в голову не могла прийти мысль торговать русской землей» (Миронов 2001, 2013). Некоторые наиболее радикальные авторы не скупятся на ругательства в адрес Александра II, называя его царем-предателем. Бушков с негодованием пишет: «Кто же мог предполагать, что на престоле сидит ублюдок, без зазрения совести за гроши торгующий дедовскими и отцовскими приобретениями?» (Бушков 2006: 330).

Некоторые авторы-патриоты даже не в состоянии спокойно писать о продаже Аляски. Так, в своем обращенном в прошлое порыве возмущения против Александра II Кремлёв говорит о том, как бы ему хотелось на машине времени отправиться в тот роковой мартовский день 1883 г., чтобы добавить свою гранату к бомбе народника-революционера, убившего царя-реформатора. Он также признается своим читателям, что, когда он смотрит на сегодняшнюю карту Аляски, обозначенной как часть США, его охватывает инстинктивный порыв схватиться за автомат Калашникова (Кремлёв 2005: 504–505).

В глазах патриотических писателей сам факт того, что Александр II и его либеральное окружение стали обсуждать вопрос о продаже части имперской территории, низводит их в категорию предателей. Миронов замечает, что такой шаг был бы вполне естествен для американцев или англичан с их коррумпированным меркантилизмом, но для русских, которые, по его мнению, наделены особым бережным и духовным отношением к земле, сама идея продажи таковой кажется абсолютно неприемлемой. Ссылаясь на известную метафору «крови и почвы», он подчеркивает, что «для русских, привыкших, что территория приобретается потом и кровью, подобное решение проблемы укладывается в сознании с трудом» (Миронов 2007: 238).

Вместо того чтобы обвинять некие абстрактные либеральные прозападные силы в гибели Русской Америки, ряд авторов конкретизирует предмет своих атак. Например, Кремлёв делает прямое предположение, что продажа Аляски была заговором иудейско-масонских наднациональных сил (где США и Англия выступают в качестве их покорных слуг) с тем, чтобы выдворить Россию с тихоокеанского северо-запада.

Виктор Филатов, генерал-майор в отставке и бывший редактор «Военно-патриотического журнала», доводит эту теорию о заговоре до крайности. По его мнению, сделка по Аляске была срежиссирована вполне определенной группой давления – американскими евреями-торговцами, стремившимися заполучить русские ресурсы в северо-западной части этого континента. Рассуждая о еврейском факторе в истории Аляски, отставной генерал-майор утверждает, что евреи исподволь тихой сапой стали проникать в Русскую Америку еще до того, как она была продана Штатам. В качестве подтверждения он ссылается на фамилию Николая Розенберга, одного из главных администраторов РАК на Аляске в 50-е гг. XIX в. (Филатов 2007: 148–164). Очевидно, что Филатов не в курсе того, что Розенберг был российским морским офицером, происходившим из старого немецко-прибалтийского рода, обосновавшегося в Ливонии еще в XVI столетии. По иронии судьбы, из среды немецко-российских Розенбергов вышел Альфред Розенберг, интеллектуал-архитектор, ставший впоследствии одним из видных идеологов национал-социализма в Германии⁹.

В книге «Роковая сделка» (2007) Миронов выдвигает свое более «мягкое» объяснение «еврейского фактора» и того, каким образом он мог привести к утрате Русской Америки. Историк предполагает, что идейными вдохновителями сделки по продаже были российские железнодорожные компании, действовавшие от имени западных еврейских кругов железнодорожников и банкиров, во главе которых, в свою очередь, стоял клан Ротшильдов; попутно надо заметить, что Ротшильды – излюбленные герои конспиратологических теорий заговора как на Востоке, так и на Западе. Подтолкнуло Миронова к спекуляциям относительно роли железнодорожных компаний в «роковой сделке» то обстоятельство, что 90% денег, полученных Россией от продажи Аляски, были потрачены на месте, в США, на приобретение локомотивов и оборудования для железнодорожной отрасли, бурно развивавшейся в России в 1860–1870-х гг. (Петров 2004: 291–292). В частности, в эти годы протяженность железнодорожного полотна в России возросла с 1 000 до 14 000 километров. Тем не менее для Миронова это строительство и прочие попытки интегрировать Россию в мировую экономику, как и вся программа по модернизации страны, – лишь дымовая завеса, прикрывающая великий заговор против великой империи (Миронов 2007).

Помимо фигуры либерального «предателя» Александра II, патриотические авторы пытаются идентифицировать и других возможных лиц, ответственных за продажу Аляски, а также тех, кому, возможно, эта сделка была выгодна. Известно, что ее инициатором был великий князь Константин, брат Александра и главный сторонник либеральных реформ в России в 60–70-е гг. XIX в. Кремлёв и Миронов предполагают, что в ходе его длительных визитов в западные страны Константина

подкупили и сделали «агентом влияния»¹⁰ западных иудейско-масонских кругов¹¹. Коррупция, кстати сказать, действительно, сопровождала мероприятия по продаже Аляски, однако взятки пошли в руки нескольких американских конгрессменов, которые, по мнению российских властей, должны были ускорить сделку. Кроме того, Александр II официально удостоил представителя России в США Эдуарда де Стекля (1804–1892) специального денежного бонуса за переговоры по продаже Аляски. Между прочим, Мионов сам на это указывает.

Согласно патриотически настроенным историкам Аляски, кроме Константина группа «заговорщиков» включала Михаила Рейтерна (1820–1890), министра финансов, руководившего вышеупомянутым проектом по железнодорожному строительству и экономической модернизацией России в целом. Другим обвиняемым является Николай Краббе (1814–1870), министр военно-морского флота, продвигавший модернизацию российского флота и усиливший позиции России на Дальнем Востоке. Прочие «заговорщики» представлены министром иностранных дел Александром Горчаковым (1798–1883) и вышеназванным представителем де Стеклем.

Другой популярный аргумент, приводимый авторами-патриотами, состоит в том, что РАК, будучи невероятно успешной компанией, встала на пути у Константина и его либерального окружения. По мнению Мионова, Кремлёва и Пыхтина, для того чтобы устранить это препятствие, Константин решил довести РАК до банкротства и тем самым провалить продажу территории. Мионов пишет: «Продаже Аляски предшествовала деятельность узкой группы высших правительственных чиновников, носившая характер заговора, целью которого было разорение колоний и создание искусственных предпосылок для ликвидации североамериканских территорий России и передачи их США» (Мионов 2007: 254). Проводя параллели между ситуацией с Русской Америкой и сегодняшним положением дел, Мионов усматривает в событии 1867 г. историческую прелюдию к хаосу 1990-х гг., когда фабрики и промышленные заводы были намеренно доведены до банкротства с целью их последующей передачи определенным «олигархам».

В действительности РАК начала терять прибыль в конце 1850-х гг. на фоне общего упадка торговли мехами. Помимо этого, РАК не всегда была успешной компанией, как утверждают авторы-патриоты. Хотя с 1857 по 1861 г. продажа мехов принесла компании прибыли на сумму в 4 228 632 руб., ее административные расходы достигли 5 268 143 руб. Последнее означает, что финансовые потери составили более одного миллиона рублей. Компании удалось частично решить эту проблему за счет увеличения цен на товары, продаваемые в колонии. Однако даже после этого дефицит был равен 113 326 руб. (Гринев 1997–1999: 386). Более того, РАК не была исключительно частным бизнесом, а пред-

ставляла собой полугосударственную коммерческую монополию, которая по своей структуре напоминает сегодняшний энергетический гигант «Газпром». Состав ее «правления» весьма красноречив и указывает на статус компании. Так, за исключением Баранова, с самого начала все посты главных администраторов Русской Америки были заняты, как теперь принято говорить, силовиками – старшими офицерами флота, которые не очень хорошо разбирались в бизнесе. Позднее, в 1850–1860-е гг. можно наблюдать тот же профессиональный состав директоров РАК – морские и военные офицеры. И лишь только в 1865 г. в правление компании включили купца Н. Любавина. Даже если бы компания выжила с такими «бизнес-руководителями», она никогда не смогла бы добиться успеха в условиях свободной конкуренции на мировом рынке в 1860–1870-е гг. (Гринев 2002).

На протяжении всего периода существования Русской Америки РАК генерировала значительные прибыли за счет кабального труда коренного и креольского населения, привязанного к своим деревням и видам деятельности и обязанного выполнять трудовые повинности в пользу РАК. То обстоятельство, что РАК не была готова и не хотела конкурировать на открытом рынке, объясняет, почему компания стремилась сохранить свой монопольный статус и привилегии, включая право эксплуатировать подневольный труд.

Обвинение Константина в антинациональном заговоре с целью предательства империи не выдерживает серьезной критики. К примеру, помимо прочего, этот «главный виновник» многое сделал для модернизации российского флота, заменив старые деревянные корабли на пароходы-броненосцы, что, в конечном счете, усилило военный потенциал империи (Антонова 2010: 24–25). Патриотические авторы также не любят упоминать, что первым, кто выступил с идеей продажи Аляски США, был граф Муравьев-Амурский – ярый патриот России, многое сделавший для наращивания российского влияния на Дальнем Востоке. Он, в частности, придерживался той позиции, что Российская империя выиграла бы больше, если бы не распыляла свои ресурсы на северотихоокеанский регион, а свернула бы свое, и без того слабое, присутствие на Аляске и сконцентрировалась на продвижении в южном направлении, на Дальний Восток, который мог бы стать житницей страны (Bassin 1999).

Среди факторов, подкреплявших план Муравьева-Амурского, был также и сдвиг в стратегических приоритетах империи в 1860-е гг. с целью выхода не только на Дальний Восток, но и в Центральную Азию, к хлопковым ресурсам. И действительно, оставив северо-западные американские владения, империя одновременно стала расширять свои границы далеко на юг. Так, в 1867 г. (год продажи Аляски) Россия завершила завоевание Центральной Азии, где было образовано Туркестан-

ское генерал-губернаторство. В этой связи отдаленная и слабо населенная Русская Америка, естественно, не представлялась значимым стратегическим владением, заслуживающим имперской защиты. Большие месторождения золота, часто упоминаемые в качестве основного ресурса Аляски, в то время еще не были достаточно исследованы. Таким образом, патриотическая риторика относительно сокращения имперских территорий, вследствие продажи Русской Америки, не выдерживает критики.

Не менее важен и тот факт, что деятельность РАК не укладывалась в планы Александра II и Константина по модернизации страны, особенно после ликвидации крепостного права в России. РАК как монополия, пользовавшаяся особыми привилегиями и эксплуатировавшая подневольный труд аборигенного населения, представлялась Константину обветшалой бюрократической структурой, стоявшей на пути к обновлению страны. В работах авторов националистической ориентации вышеназванные меры по сворачиванию монополии РАК изображаются в качестве тщательно спланированного заговора, профинансированного иудейско-масонскими силами. Гораздо ближе к истине историк Гринев, который показывает, что в действительности весь «план» Константина и его сподвижников был всего лишь стратегическим просчетом, совершенным в условиях самодержавного правления, когда политические решения принимались келейно и никогда не обсуждались с общественностью¹². Примечательно, что директора компании, которых царский двор даже не проинформировал о переговорах с США, узнали о продаже Аляски из телеграфных новостей, пришедших в Россию из-за рубежа.

Эпилог: патриоты против «болховитинцев»

Писатели-патриоты подвергают нападкам тех историков, которые отказываются освещать историю Аляски под «русским» углом зрения, а продажу Аляски рассматривать как хорошо спланированный заговор финансистов-космополитов против интересов России¹³. Бушков, Пыхтин и Кремлев любят атаковать так называемых болховитинцев – термин, который они используют для обозначения ученых-историков, профессионально занимающихся Русской Америкой: покойного Н.Н. Болховитинова, А.В. Гринева, А. Истомина и некоторых других, написавших, в частности, трехтомную «Историю Русской Америки» (Болховитинов 1997–1999). Патриоты называют этих авторов интеллектуалами-предателями.

Главный «обвиняемый» среди них – Болховитинов, издавший в 1990 г. работу, которая вскрывает истинные причины продажи Аляски и ее место в общем контексте русско-американских отношений XIX в. (Болховитинов 1990). Согласно журналисту Пыхтину, эта книга «несет

на себе печать горбачевского “смутного времени”, ельцинско-чубайсовской ксенофилии и сводится, главным образом, к повествовательному описанию, а не к глубокому, вдумчивому, критическому анализу процесса. Она написана не с русской, а с объективистской, абстрактной точки зрения. Специальной научной русской работы, посвященной уступке Русской Америки, пока что не написано» (Пыхтин 2005: 144). Кремлёв делает еще более эмоциональное высказывание насчет Болховитинова: «В сорок первом году за такие “рассуждения” ставили к стенке. Сегодня – дают гранты. Ведь идейно он ничем не отличается от продавших Русскую Америку стеблей, рейтернов и краббе» (Кремлёв 2005: 578).

Обвиняя академических авторов, которых они с иронией называют «хранителями универсальных человеческих ценностей», за их попытки реконструировать историю Аляски с разных точек зрения, Бушков заклеил вышеназванный трехтомный труд по истории Русской Америки как продукт «тлетворного дыхания перестройки», проект, произведенный «горластой интеллигенцией», в 1990-е гг. «получившей ненадолго возможность дурачить согражданам мозги» (Бушков 2006: 189).

Несмотря на то что в вымышленной географии и истории патриотической «Аляскианы» даты, места, события, имена свободно меняются, искажаются и даже стираются, для российского читателя эта литература в настоящее время является главным источником информации об Аляске¹⁴. Истории Аляски, написанные Бушковым, Филатовым, Керданом, Кремлёвым и Мироновым, широко доступны в книжных магазинах и, конечно, в публичных и университетских библиотеках. Эта литература является естественной производной патриотических настроений, охвативших многих россиян после «унизительных» 1990-х. Вышеназванные авторы, часть которых состоит в радикальных националистических организациях, обслуживают эти настроения. Так, один из них (Кердан) прямо подчеркивает, что движущей силой, подтолкнувшей его к написанию своего романа о русских исследователях Аляски, было желание «сохранить русскую самобытность». Этот отставной советский полковник, превратившийся в плодовитого приключенческого писателя, также добавляет, что поскольку Россия сейчас нуждается в национальной идее, важно оглянуться и хорошенько подумать о тех временах, когда пассионарность¹⁵ русского народа была на подъеме (Кердан 2003: 498).

Книги и статьи, рассмотренные в данной работе, – отражение так называемой патриотической печатной продукции, во все большей мере формирующей сегодня восприятие истории как среди интеллектуальных элит, так и среди широких масс российской публики. Также очевидно, что значительная часть этой продукции питается осколками имперского национализма. Об этой естественной интеллектуальной реак-

ции государствообразующего русского этноса на неожиданный коллапс Советского Союза и его последующее унижение со стороны местного национализма в странах ближнего зарубежья уже много писалось и говорилось. Как отражение этих настроений сегодня книжный рынок России и ее интернет-пространство наводнены текстами, проповедующими особую культурно-историческую миссию России, вскрывающими различные антирусские «заговоры» и рисующими апокалиптические картины упадка Запада. Подобные книги и статьи уже давно стали неотъемлемой частью российского культурного мейнстрима. Все вместе они формируют образ России, которая в глазах российского читателя все больше выглядит как «национальная крепость», осажденная различными недругами (рис. 10).

Рис. 10. Памятный знак, установленный летом 2016 г. в г. Евпатория (Крым), с надписью: «В назидание потомкам! Мы вернули Крым, вам вернуть Аляску»

Примечания

¹ Как отмечают многие наблюдатели, мнение о том, что у России нет иного выбора, кроме как противостоять Соединенным Штатам, разделяется повсеместно как элитой общества, так и широкими слоями населения (Laruelle 2008: 11).

² Более того, писатель С. Казаков прямо говорит: то, что он называет российским «политическим мазохизмом», началось с тех пор, как Россия продала Аляску США (Казаков 2007: 201).

³ Примечательно, что в 1932 г. С. Марков стал одной из жертв ОГПУ по делу так называемой Сибирской бригады – молодых литераторов, симпатизировавших областническим и колониально-имперским идеям в противовес еще господствовавшим тогда официальным левацким классовым установкам. Поскольку это имело место до начала

«большого террора», Марков и несколько других членов «бригады» отделались тремя годами ссылки. Примечательно также, что все последующие годы, когда в сталинском СССР постепенно возобладали национал-большевистский тренд, Марков уже никак не пострадал, хотя одного из его друзей по кружку все же расстреляли в 1937 г. в рамках выполнения плана по расстрелам.

⁴ С 1947 г. книга многократно переиздавалась, и ее общий тираж достиг одного миллиона экземпляров. В последнее издание вошли два произведения: «Юконский ворон» и «Летопись Аляски» (Марков 2001).

⁵ Примечательно, что после погружения в этот роман один из читателей так проникся патриотическими мифами о «нашей» Аляске, что решил поделиться своими эмоциями в онлайн-обзоре книги: «Читаешь эту книгу и плакать хочется! Так замечательно показал автор русскую трагедию – дурачки-бессмысленную и подлую продажу за копейки жалкие богатейшей нашей территории – Русской Америки! Вся она усыпана костями русских людей, полита реками их крови и пота. И вот так бездарно “распорядиться” мог только “великий реформатор” Александр Второй. Прочтите и почувствуете, каково это, когда землю с могилами ваших предков (а ведь там уже были открыты и золото, и уголь, и нефть) отдают без войны чужакам и вы вынуждены бросать все и уезжать». Последнее предложение хорошо передает нынешние настроения тех русских, кто оплакивает утрату советской империи, и тех, кто вынужден был покинуть страны «ближнего зарубежья», спасаясь от всплесков местного национализма, развернувшегося там после 1991 г. (Рецензии...).

⁶ Группа «Любэ» способствовала усилению ультрапатриотических настроений, исполнив эту песню в своем музыкальном видеоклипе, в котором представлен ряд ярких символов: пистолет, выстреливающий Аляску с карты США; лидер группы, одетый в военную форму, строго смотрящий в бинокль на американский берег, и марширующие солдаты Красной армии раннего советского времени (Группа «Любэ», видеоклип).

⁷ См. исследование исторического эпизода (легенда о зараженных оспой одеялах), который породил миф о планомерной «бактериологической войне» против индейцев (Ranlet 2000). Попутно хочется заметить, что этот миф, который был запущен левой исторической беллетристикой США в 1970–1980-е гг., до сих пор пользуется популярностью у «индейских патриотов», которые винят «гнилой» Запад во всех мыслимых и немыслимых грехах.

⁸ Подробное описание русско-тлинкитских отношений, в том числе вооруженных столкновений и атаки на Ситку в 1855 г., см.: (Гринев 1991; Кап 1999). Кроме этого, историк Александр Зорин выпустил специальную работу, целиком посвященную тлинкитской войне против российских колонистов (Зорин 2002). Оба исследователя едины во мнении, что РАК никогда не имела какого-либо контроля над этой крупной группой индейского населения Аляски.

⁹ Хотя Филатов не приводит своих источников, в частности по Розенбергу, с большой долей вероятности могу утверждать, что эти размышления он основывает на информации, полученной им на еврейском веб-портале, где размещено эссе «Еврейские торговцы купили Аляску» Марии Лифшиц, которая с гордостью описывает роль евреев в истории Аляски. Стараясь выпатить роль своих соплеменников в освоении этой территории, она собрала воедино все имена, включая и такие немецко-прибалтийские фамилии, как Розенберг, которые сочла еврейскими (Лифшиц 2002). Если мое предположение верно, это может служить интересным примером того, как противоборствующие националистические мифологии взаимно обогащают и питают друг друга.

¹⁰ Наряду с кланом Ротшильдов и иудеями-масонами, «агент влияния» – еще одна популярная метафора в современном российском патриотическом дискурсе. Этим выражением они часто клеймят политиков, писателей и работников культуры, ориентирующихся на западную культурную и политическую традицию и стремящихся к интеграции России в западноевропейское цивилизационное пространство.

¹¹ Другую экзотическую версию «еврейского заговора» по поводу «похищения» у России Аляски можно найти в статье Александра Зинухова (Зинухов 2000), а также в книге «Загадки и легенды русской истории» С. Казакова (Казаков 2007: 196, 198). Они утверждают, что через своих «агентов влияния» некий Август Бельмонт, банкир, представляющий клан Ротшильдов, воздействовал на решение Константина продать Аляску.

¹² О действительных причинах, приведших к продаже Аляски, см.: (Болховитинов 1987, 1998; Grinev 2004).

¹³ Интересно отметить, в плане сравнения, что в современной американской историографии Аляски появилось множество попыток переписать историю этой территории с точки зрения индейцев, алеутов и прочих «униженных и оскорбленных». Этот индейский «патриотический» нарратив преподносит русских, американцев и англичан исключительно как хищников и грабителей, а коренные народы рисуются «белыми» и «пушистыми», защитниками природы и обладателями самой духовной религии. См., например: (Williams 2009). Подобные работы являются естественным отражением идеологии мультикультурализма, ныне популярной в гуманитарном мейнстриме США. Подобно патриотической историографии и евразийству в России, идеология мультикультурализма замешана на конспиралогии, возвеличивании особой духовности и коллективизма коренных народов и стойком презрении к западной цивилизации.

¹⁴ Примечательное исключение составляет книга Рокота «Князь Русской Америки» (Рокот 2007). Хотя автор главным образом уделяет внимание фигуре Дмитрия Максимова, последнего главного администратора Русской Америки, он одновременно дает хорошо изложенный и сбалансированный обзор всей истории Аляски, когда она еще была частью Российской империи. Рокоту особенно хорошо удалось показать, что колонизация Русской Америки была мультиэтничным проектом. Среди популярных историй Аляски, изданных в России, это, пожалуй, один из немногих текстов, свободных от истерических выпадов против «зловредного Запада» и «иудейско-масонских» кругов. Автор даже идет дальше и намекает на то, что считает свою книгу вызовом агрессивным патриотическим писателям, захватившим в последнее время тему Русской Америки.

¹⁵ Выражение «пассионарность» – это отсылка к одному из столпов ныне популярной идеологии евразийства – Льву Гумилёву (1912–1992). Наиболее полный анализ взглядов Гумилёва см.: (Laruelle 2008: 10–11, 50–82).

Литература

- Bassin M. Imperial Visions: Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840–1865. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1999.
- Black L. Russians in Alaska, 1732–1867. Fairbanks, AK: University of Alaska Press, 2004.
- Chamberlain L. Motherland: A Philosophical History of Russia. New York: The Rockery Press, 2007.
- Grinev A. Why Russia Sold Alaska: The View from Russia // Alaska History. 2004. № 1–2. P. 1–22.
- Harper's Magazine. 1873. Vol. 47. P. 42.
- Kan S. Memory Eternal: Tlingit Culture and Russian Orthodox Christianity through Two Centuries. Seattle; London: University of Washington Press, 1999.
- Laruelle M. Russian Eurasianism: An Ideology of Empire. Baltimore: The John Hopkins University Press, 2008.
- Miller A. The Empire and the Nation in the Imagination of Russian Nationalism // Imperial Rule / ed. Alexei Miller and Alfred J. Rieber. Budapest and New York: Central European University Press, 2004.
- Ranlet P. The British, the Indians, and Smallpox: What Actually Happened at Fort Pitt in 1763? // Pennsylvania History. 2000. Vol. 67, No. 3. P. 427–441.
- Washington Post. 2005.

- Williams M. (ed.) *The Alaska Native Reader: History, Culture, Politics*. Durham, NC: Duke University Press, 2009.
- Уэтерер F. An Artist in Alaska // *Harper's Magazine*. 1869. Vol. 38. P. 590.
- Азранат Г.А. Об освоении русскими Аляски // *Летопись Севера*. 1971. № 5. С. 180–193. *АиФ*. 2014.
- Антонова Т.В. Программа «Политической новизны» великого князя Константина Николаевича Романова // *Локус*. 2010. № 1.
- Бадигин К. Ключи от заколдованного замка. Саранск: Кворум, 1993.
- Болховитинов Н.Н. Как продали Аляску // *Международная жизнь*. 1987. № 7. С. 120–131.
- Болховитинов Н.Н. Русско-американские отношения и продажа Аляски, 1834–1867. М.: Наука, 1990.
- Болховитинов Н.Н. (ред.) *История Русской Америки, 1732–1867: в 3 т.* М.: Международные отношения, 1997–1999.
- Болховитинов Н.Н. Еще раз о продаже Аляски // *США. Экономика, политика, идеология*. 1998. № 10. С. 94–103.
- Бушков А. *Русская Америка: слава и позор*. М.: Нева, 2006.
- Виньковецкий И. *Русская Америка: заокеанская колония континентальной империи, 1804–1867 гг.* М.: Новое литературное обозрение, 2015.
- Головин В.М. *Сочинения*. М.; Л., 1949. С. 335.
- Гринев А. Российский политаризм как главная причина продажи Аляски // *Acta Slavica Iaropica*. 2005. № 23.
- Гринев А. *Русская Америка в 1850-е годы и Крымская война* // *История Русской Америки, 1732–1867* / ред. Н. Болховитинов. М.: Международные отношения, 1997–1999. Т. 3.
- Гринев А.В. Динамика высшей управленческой элиты Российско-американской компании // *Клио*. 2002. № 3. С. 72–84. URL: <http://america-xix.org.ru/library/grinev-elite/> (дата обращения: 03.05.2016).
- Гринев А.В. Индейцы тлинкиты в период Русской Америки (1741–1867 гг.). Новосибирск: Наука. Сиб. отд.-е, 1991.
- Гринев А.В. Русская колонизация Аляски: некоторые тенденции советской историографии // *Американские индейцы: новые факты и интерпретации* / под ред. В. Тишкова. М.: Наука, 1996.
- Группа «Любэ», «Не валяй дурака, Америка», видеоклип. URL: <http://www.youtube.com/user/kunschikov> (дата обращения: 03.12.2008).
- Дивин В. *Русские мореплаватели на Тихом океане в XVIII веке*. М.: Мысль, 1971.
- Дугин А. Нам все нужно // *Россия*. 2005. № 48. URL: <http://www.evrazia.info/> (дата обращения: 03.03.2008).
- Жданович Р. К вопросу о продаже Аляски // *Арт & Факт*. 2007. № 3 (7). URL: <http://artifact.org.ru/content/view/345/80/> (дата обращения: 05.08.2008).
- Загоскин Л. *Пешеходная опись части русских владений в Америке: произведенная лейтенантом Л. Загоскиным в 1842, 1843 и 1844 годах: в 2 т.* СПб.: Тип. Карла Крайя, 1847–1848.
- «Запевала». Музыка Г. Фельдмана, слова А. Ситковского (1951 г.), исполняет И. Скобцов. URL: <http://www.sovmusic.ru/> (дата обращения: 03.05.2016).
- Зинухов А. Как продали Аляску // *Совершенно секретно*. 2000. № 4. С. 2–27.
- Зорин А. *Индейская война в Русской Америке*. Курск: Курский гос. мед. ин-т, 2002.
- Зуев-Ордынец М. *Последний год*. Калининград: Калининград. книжн. изд-во, 1961. 1-е изд.; Новосибирск: Новосиб. книжн. изд-во, 1966. 2-е изд.; Новосибирск: Новосибир. книжн. изд-во, 1995. 3-е изд.; М.: Вече, 2005. 4-е изд.
- Казаков С. *Загадки и легенды русской истории*. Ростов н/Д: Феникс, 2007.

- Как и зачем Россия продала Аляску? // Аргументы и факты. 2014. 17 апр. URL: http://www.aif.ru/dontknows/file/kak_i_zachem_rossiya_proдалa_aljasku (дата обращения: 05.10.2015).
- Кердан А. Берег отдаленный. Екатеринбург: Сократ, 2003.
- Кориунов Ю. Россия какой она могла бы быть: история приобретений и потерь заморских территорий. М.: Эксмо, 2007.
- Кратт И. Остров Баранова. М.: Военное издательство министерства вооруженных сил СССР, 1946.
- Кратт И. Остров Баранова // Звезда. 1945. № 1. С. 29–63; № 2. С. 51–71; № 3. С. 83–101; № 4. С. 31–57.
- Кратт И. Остров Баранова // Кратт И. Великий океан. М.: Правда, 1989.
- Кремлев С. Русская Америка: открыть и продать. М.: Яуза, 2005.
- Лешуков В. Почему нынче Аляска // Русский журнал. 2005. 15 дек.
- Лифшиц М. Еврейские торговцы купили Аляску, 2002. URL: <http://www.ijs.ru/istoki68.html> (дата обращения: 02.12.2008).
- Ляпунова Р. Очерки по этнографии Алеутов: конец XVIII – первая половина XIX в. Л.: Наука, 1975.
- Макарова Р.В. Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. М.: Наука, 1968.
- Марков С. Русские на Аляске. М.: Военное издательство министерства вооруженных сил СССР, 1946.
- Марков С. Юконский ворон. М.: Сов. писатель, 1947.
- Марков С. Юконский ворон; Летопись Аляски. М.: ТЕПРА, 2001.
- Миронов И. Без Аляски // Родина. 2001. № 3. URL: <http://www.istrodina.com> (дата обращения: 05.08.2008).
- Миронов И. Роковая сделка: как продавали Аляску. М.: Алгоритм, 2007.
- Миронов И. Как продавали Русскую Америку // Мнение ТВ. 2015. 25 сентября. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=idWkv20FzCU> (дата обращения: 03.05.2016).
- Миронов И. Продажа Аляски: мифы и факты: презентация на конференции «Фальсификации российской истории», Российская национальная библиотека, 24 окт., 2013. URL: https://www.youtube.com/watch?v=_9K2Ub1npvU (дата обращения: 04.01.2016).
- Окунь С.Б. Российско-американская компания. М.; Л.: Соцэкгиз, 1939.
- Петров А.Ю. Деньги, полученные от продажи Аляски США, пошли на железнодорожное строительство в России // Американский ежегодник. М., 2004.
- Пыхтин С. Как продавали Аляску: темная сторона русско-американских отношений с 1824 по 1867 г. // Москва. 2005. № 8. С. 144–165. URL: <http://www.rusk.ru/> (дата обращения: 03.03.2008).
- Пядышев В.П. Географический атлас Российской Империи, Царства Польского и Великого княжества Финляндского, расположенный по губерниям на двух языках. СПб., 1823. Л. 58.
- Рецензии и отзывы на книгу «Последний год» // Интернет-магазин Лабиринт.ру. URL: <http://www.labirint-shop.ru/books/90246> (дата обращения: 15.08.2008).
- Рокот В. Князь Русской Америки: Дмитрий Петрович Максutow. М.: Центрполиграф, 2007.
- Филатов В. Новые иудейские войны. М.: Алгоритм, 2007.
- Чесноков Э. Мнение историка: не продай мы Аляску, русский десант стоял бы под Лос-Анджелесом // Комсомольская правда. 2016. 30 марта. URL: <http://m.kp.ru/daily/26510/3379393/> (дата обращения: 05.10.2015).

Znamenski Andrei A.

ALASKA IN MODERN RUSSIAN GEOPOLITICAL RHETORIC

Abstract. The article explores the issue of Russian America and its sale to the United States as represented in Russian popular historical fiction that uncovers not so much the history of the Russian presence in North America but rather constitutes a window into the symbolic geography and history constructed by current Russian nationalist media. It seeks to identify the source of keen attention to the Russian presence in northwestern North America through the analysis of the print media that shape Russian understanding of Alaska. The major argument of the article is that the rhetorical outbursts around such marginal and obscure topic as Russian America originated from the very nature of current Russian nationalism, which is still heavily entangled with the idea of empire. Although the imperial component has been increasingly undermined by dissent nationalists, who assail geopolitical and foreign policy schemes of their empire-oriented colleagues, it remains the dominant trend in current Russian nationalism. It is also argued that the disproportional attention to the history of Russian presence in northwestern North America compared, say, to the nineteenth-century Russian expansion to Central Asia and the Far East clearly points to the large role anti-Americanism plays in the development of current Russian nationalism.

Keywords: Russian America (Alaska), sale of Alaska, empire, Russian nationalism, Russia, USA

DOI: 10.17223/2312461X/13/4

References

- Bassin M. *Imperial Visions: Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840–1865*. Cambridge and New York: Cambridge University Press, 1999.
- Black L. *Russians in Alaska, 1732–1867*. Fairbanks, AK: University of Alaska Press, 2004.
- Chamberlain L. *Motherland: A Philosophical History of Russia*. New York: The Rockery Press, 2007.
- Grinev A. Why Russia Sold Alaska: The View from Russia, *Alaska History*, 2004, no. 1–2, pp. 1–22.
- Harper's Magazine*, 1873, Vol. 47. pp. 42.
- Kan S. *Memory Eternal: Tlingit Culture and Russian Orthodox Christianity through Two Centuries*. Seattle and London: University of Washington Press, 1999.
- Laruelle M. *Russian Eurasianism: An Ideology of Empire*. Baltimore: The John Hopkins University Press, 2008.
- Miller A. The Empire and the Nation in the Imagination of Russian Nationalism, *Imperial Rule*. Ed. by Alexei Miller and Alfred J. Rieber. Budapest and New York: Central European University Press, 2004.
- Ranlet P. The British, the Indians, and Smallpox: What Actually Happened at Fort Pitt in 1763? *Pennsylvania History*, 2000, Vol. 67, no. 3, pp. 427–441.
- Washington Post*. 2005.
- Williams M. (ed.) *The Alaska Native Reader: History Culture, Politics*. Durham, NC: Duke University Press, 2009.
- Wymper F. An Artist in Alaska. *Harper's Magazine*, 1869, Vol. 38, pp. 590.
- «Zapevala». Muzyka G. Fel'dman, slova A. Sitkovskii (1951 g.), ispolniaet I. Skobtsov [‘Leading Singer’. Music by G. Feldman, lyrics by A. Sitkovskiy (1951), performed by I. Skobtsov]. Available at: <http://www.sovmusic.ru/> (Accessed 03.05.2016).
- Agranat G.A. Ob osvoenii russkimi Aliaski [On the exploration of Alaska by the Russians], *Letopis' Severa*, 1971, no. 5, pp. 180–193.

- Antonova T.V. Programma «Politicheskoi novizny» velikogo kniazia Konstantina Nikolaevicha Romanova [The 'political innovation' programme by Grand Duke Konstantin Nikolaevich Romanov], *Lokus*, 2010, no. 1.
- Badigin K. *Kliuchi ot zakoldovannogo zamka* [The keys to the enchanted castle]. Saransk: Kvorum, 1993.
- Bolkhovitinov N.N. Kak prodali Aliasku [How Alaska was sold], *Mezhdunarodnaia zhizn'*, 1987, no. 7, pp. 120–131.
- Bolkhovitinov N.N. *Russko-amerikanskie otnosheniia i prodazha Aliaski, 1834–1867* [The Russian-American relations and the sale of Alaska, 1834–1867]. Moscow: Nauka, 1990.
- Bolkhovitinov N.N. (red.) *Istoriia Russkoi Ameriki, 1732–1867: V 3 tomakh* [The history of Russian America (1732–1867)]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1997–1999.
- Bolkhovitinov N.N. Eshche raz o prodazhe Aliaski [Once again on the sale of Alaska], *SShA. Ekonomika, politika, ideologiya*. 1998, no. 10, pp. 94–103.
- Bushkov A. *Russkaia Amerika: slava i pozor* [Russian America: glory and disgrace]. Moscow: Neva, 2006.
- Vin'kovetskii I. *Russkaia Amerika: zaokheanskaiia koloniia kontinental'noi imperii, 1804–1867 gg.* [Russian America: an overseas colony of the continental empire, 1804–1867]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2015.
- Golovin V.M. *Works*. Moscow, Leningrad, 1949.
- Grinev A. Rossiiskii politarizm kak glavnaia prichina prodazhi Aliaski [Russian politarism as the main reason for selling Alaska], *Acta Slavica Iaponica*, 2005, no. 23.
- Grinev A. Russkaia Amerika v 1850-e gody i Krymskaia voina [Russian America in the 1850s and the Crimean War], *Istoriia Russkoi Ameriki, 1732–1867* [The history of Russian America, 1732–1867]. Ed. by N. Bolkhovitinov. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1997–1999. Vol. 3.
- Grinev A.V. Dinamika vysshei upravlencheskoi elity Rossiisko-amerikanskoi kompanii [The dynamics of the higher managerial elite of the Russian-American company], *Klio*, 2002, no. 3, pp. 72–84. Available at: <http://america-xix.org.ru/library/grinev-elite/> (Accessed 03.05.2016).
- Grinev A.V. *Indeitsy tlinkity v period Russkoi Ameriki (1741–1867 gg.)* [Tlingit Indians in the times of Russian America (1741–1867)]. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-e, 1991.
- Grinev A.V. Russkaia kolonizatsiia Aliaski: nekotorye tendentsii sovetskoi istoriografii [The Russian colonization of Alaska: some trends in the Soviet historiography], *Amerikanskie indeitsy: novye fakty i interpretatsii* [American Indians: new facts and interpretations], ed. by V. Tishkova. Moscow: Nauka, 1996.
- Gruppa «Liube», «Ne valiai duraka, Amerika», videoklip [The band 'Lube', 'Don't fool around, America', a video clip]. Available at: <http://www.youtube.com/user/kunschikov> (Accessed 03.12.2008).
- Divin V. *Russkie moreplavaniia na Tikhom okeane v XVIII veke* [Russian sea expeditions in the Pacific in the XVIII century]. Moscow: Mysl', 1971.
- Dugin A. Nam vse nuzhno [We do need it all], *Rossia*, 2005, no. 48. Available at: <http://www.evrazia.info/> (Accessed 03.03.2008).
- Zhdanovich R. K voprosu o prodazhe Aliaski [On the sale of Alaska], *Art & Fakt*, 2007, no. 3(7). Available at: <http://artifact.org.ru/content/view/345/80/> (Accessed 05.08.2008).
- Zagoskin L. *Peshekhodnaia opis' chasti russkikh vladenii v Amerike: proizvedennaiia leitenantom L. Zagoskinym v 1842, 1843 i 1844 godakh: V 2 tomakh* [Travel account of some Russian possessions in America: produced by Lieutenant Lavrentiy Zagoskin in 1842, 1843, and 1844]. SPb.: tip. Karla Kraiia, 1847–1848.
- Zinukhov A. Kak prodali Aliasku [How Alaska was sold], *Sovershenno sekretno*, 2000, no. 4, pp. 2–27.
- Zorin A. *Indeiskaia voina v Russkoi Amerike* [The Indian war in Russian America]. Kursk: Kurskii gos. meditsinskii institut, 2002.

- Zuev-Ordynets M. *Poslednii god* [The last year]. Kaliningrad: Kaliningradskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1961. 1-e izd.; Novosibirsk: Novosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1966. 2-e izd.; Novosibirsk: Novosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1995. 3-e izd.; Moscow: Veche, 2005. 4-e izd.
- Kazakov S. *Zagadki i legendy russkoi istorii* [Secrets and legends of the Russian history]. Rostov-na-Donu: Feniks, 2007.
- Kak i zachem Rossiia prodala Aliasku? [How and why did Russia sell Alaska?] *Argumenty i fakty*, 2014, 17 April. Available at: http://www.aif.ru/dontknows/file/kak_i_zachem_rossiya_prodala_alysku (Accessed 05.10.2015).
- Kerdan A. *Bereg otdalennyi* [Faraway coast]. Ekaterinburg: Sokrat, 2003.
- Korshunov Iu. *Rossiia kakoi ona mogla by byt': istoriia priobretenii i poter' zamorskikh territorii* [Russia as it could have been: the history of gains and losses of overseas territories]. Moscow: Eksmo, 2007.
- Kratt I. *Ostrov Baranov* [The Island of Baranov]. Moscow: Voennoe izdatel'stvo ministerstva vooruzhennykh sil SSSR, 1946.
- Kratt I. Ostrov Baranova [The Island of Baranov], *Zvezda*, 1945, no. 1, pp. 29–63; no. 2, pp. 51–71; no. 3, pp. 83–101; no. 4, pp. 31–57.
- Kratt I. Ostrov Baranova [The Island of Baranov], Kratt I. *Velikii ocean* [The great ocean]. Moscow: Pravda, 1989.
- Kremlev S. *Russkaia Amerika: otkryt' i prodat'* [Russian America: to discover and to sell]. Moscow: Iauza, 2005.
- Leshukov V. Pochem nynche Aliaska [How much is Alaska?], *Russkii zhurnal*, 2005, 15 Dec.
- Lifshits M. *Evreiskie torgovtsy kupili Aliasku* [The Jewish merchants bought Alaska]. 2002. Available at: <http://www.ijc.ru/istoki68.html> (Accessed 02.12.2008).
- Liapunova R. *Ocherki po etnografii Aleutov: konets XVIII – pervaiia polovina XIX v.* [Essays on the ethnography of Aleuts: the late XVIII to the first half of the XIX centuries]. Leningrad: Nauka, 1975.
- Makarova R.V. *Russkie na Tikhom okeane vo vtoroi polovine XVIII v.* [Russians in the Pacific in the second half of the XVIII century]. Moscow: Nauka, 1968.
- Markov S. *Russkie na Aliaske* [Russians in Alaska]. Moscow: Voennoe izdatel'stvo ministerstva vooruzhennykh sil SSSR, 1946.
- Markov S. *Iukonskii voron* [Yukon Raven]. Moscow: Sovetskii pisatel', 1947.
- Markov S. *Iukonskii voron; Letopis' Aliaski* [Yukon raven; the Chronicles of Alaska]. Moscow: TERRA, 2001.
- Mironov I. Bez Aliaski [Without Alaska], *Rodina*, 2001, no. 3. Available at: <http://www.istrodina.com/> (Accessed 05.08.2008).
- Mironov I. *Rokovaia sdelka: kak prodavali Aliasku* [The fateful deal: how Alaska was sold]. Moscow: Algoritm, 2007.
- Mironov I. *Prodazha Aliaski: mify i fakty: prezentatsiia na konferentsii «Fal'sifikatsii rossiiskoi istorii», Rossiiskaia natsional'naia biblioteka, 24 oktiabria, 2013* [The sale of Alaska: myths and facts: a paper presentation at the conference 'Falsification of Russian History', Russian National Library, October 24, 2013]. Available at: https://www.youtube.com/watch?v=_9K2Ub1npvU (Accessed 04.01.2016).
- Mironov I. *Kak prodavali Russkuiu Ameriku* [How Russian America was sold], *Mnenie TV*, 2015, 25 Sept. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=idWkv20FzCU> (Accessed 03.05.2016).
- Okun' S.B. *Rossiisko-amerikanskaia kompaniia* [The Russian-American company]. Moscow; Leningrad: Sotsekgiz, 1939.
- Petrov A.Iu. Den'gi, poluchennye ot prodazhi Aliaski SShA, poshli na zheleznodorozhnoe stroitel'stvo v Rossii [Money received as a result of the sale of Alaska to the USA was spent on the Russian railroad construction], *Amerikanskii ezhegodnik*. Moscow, 2004.
- Pykhtin S. *Kak prodavali Aliasku: temnaia storona russko-amerikanskikh otnoshenii s 1824 po 1867 gg.* [How Alaska was sold: the dark side of the Russian-American relations from

- 1824 to 1867], *Moskva*, 2005, no. 8, pp. 144–165. Available at: <http://www.rusk.ru/> (Accessed 03.03.2008).
- Piadyshchev V.P. *Geographical Atlas of the Russian Empire, The Kingdom of Poland and the Grand Duchy of Finland, divided into governorates, in two languages*. St. Petersburg, 1823.
- Retsenzii i otzvyvy na knigu «Poslednii god»* [Reviews of and comments on the book ‘The last year’], Internet-magazin Labirint.ru. Available at: <http://www.labirint-shop.ru/books/90246> (Accessed 15.08.2008).
- Rokot V. *Kniaz' Russkoi Ameriki: Dmitrii Petrovich Maksutov* [The Duke of Russian America: Dmitriy Petrovich Maksutov]. Moscow: Tsentrpoligraf, 2007.
- Filatov V. *Novye iudeiskie voyny* [New Jewish wars]. Moscow: Algoritm, 2007.
- Chesnokov E. Mnenie istorika: ne prodai my Aliasku, russkii desant stoial by pod Los-Andzhelesom [A historian's view: if we had not sold Alaska, Russian troops would have been near Los Angeles now], *Komsomol'skaia Pravda*, 2016, 30 March. Available at: <http://m.kp.ru/daily/26510/3379393/> (Accessed 05.10.2015).